Подписано электронной подписью:
Вержицкий Данил Григорьевич
Должность: Директор КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ»
Дата и время: 2024-02-21 00:00:00
471086fad29a3b30e244c728abc3661ab35c9d50210dcf0e75e03a5b6fdf6436

Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
«Кемеровский государственный университет»

Факультет истории и права

Кафедра истории и обществознания

И. П. Басалаева

Методические рекомендации к изучению курса *Философия*

для студентов очной форм обучения

Новокузнецк 2020

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Уважаемые студенты, вы приступаете к изучению предмета, который в строгом смысле нельзя определить в статусе «предмета». В самых содержательных и умных попытках наметить контуры философии её описывают как состояние, технику и традицию мышления. Или ещё короче – как мышление. Такова природа философии. Мы будем строить курс, не упуская из виду это понимание.

Отсюда некоторые методические особенности нашей работы. Слово м*етодические* здесь не означает того, что принято считать методикой в педагогике (где методика – это сумма ухищрений, заставляющих учащегося учиться так, а не иначе, причём без согласования с ним). В философии одним из важнейших понятий является *путь* (у древних греков – μέθοδος, отсюда – через несколько языков-посредников – русское слово «метод»). В отличие от дороги (тропы, трассы, автобана и т. д.) путь – это преодолённое и в этом смысле пережитое конкретным человеком пространство – и время, пространство и время глубинно связаны. Дорога лежит на поверхности земли, вписана в ландшафт, но *путём* она становится только в ходе движения по ней, требующего усилий и времени. Люди идут одной дорогой, но проходят разные пути. Так вот в рамках нашего курса *методика* – это те обстоятельства, которые на пути изучения философии станут условиями вашего познания.

Что это за обстоятельства?

1) Вам придётся пересмотреть ставшую уже для вас привычной модель учения как «наполнения знаниями», «насыщения информацией», «получения сведений» и т. п. Учиться/познавать – вовсе не значит быть полой ёмкостью, в которую нечто складывается для хранения. Что же тогда значит «познавать»? Этот вопрос мы поставим на первых лекционных и семинарских встречах, после чего сможем заняться рассмотрением вариантов философского решения вопроса о познании (начиная с пифагорейского и платонического вариантов).

2) Ваши занятия философией – это попытка мышления, опыт работы с техникой мышления и возможность понять традицию мышления (см. выше рабочее «определение» философии). По этой причине ваша работа по курсу в наименьшей степени может быть конспектированием лекций или источников. Уже Сократ с подозрением относился к записыванию (и вообще к письменности), имея серьёзный аргумент «против»: ибо записывание вредит мышлению, которое разворачивается в ситуации философской беседы. Вместо этого вы будете заняты работой *медленного чтения* (об этой технике подробнее дальше), в котором только и возможно *понимание*. А ещё вам предстоит произвести перенастройку вашего умения слушать – для педагога это умение профессиональное.

3) Писать вы будете не конспекты, а ваши решения философских «задач» (кейсов, если говорить на языке описания образовательных технологий). Возможны также эссе, содержательные и формальные требования к которым, а также формальные обстоятельства вашего движения по курсу вам будут известны из отдельного мануала под названием «Условия БРС по курсу философии». Заметьте, что слово *курс* тоже имеет прямое отношение к *пути* (вы убедитесь в этом, если проследите этимологию русского *курс* от латинского *cursus* и немецкого *Kurs*).

Ниже вам предлагается несколько тем для рассмотрения в практической части курса. Задания снабжены уточнениями и комментариями, которые помогут вам сориентироваться и думать в том направлении, которое предполагает тема занятия.

Семинар № 1 по курсу *Философия*

ФИЛОСОФИЯ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

Уважаемые студенты!

Ваша подготовка заключается в чтении текстов, из которых один приведён (во фрагментах) в таблице, другой доступен в хрестоматии (обращайтесь в библиотеку), третий – в энциклопедии (НФЭ, см. ссылку в вашей группе VK). Предполагается, что вы сумеете поставить к тексту вопросы, приведённые в правой части таблицы (здесь «поставить» означает прежде всего «понять»). Ваши соображения – возможные ответы на заданные вопросы – фиксируйте письменно (от руки), также справа. Это значит, что файл надо распечатать. Все встречающиеся в тексте термины необходимо прояснить, пользуясь философскими словарями. Вы должны быть готовы устно объяснить каждый из них.

ЧИТАТЬ:

1. **Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия?** [1929]. – Режим доступа полного текста: http://www.psylib.org.ua/books/orteg01/index.htm. В таблице ниже приведены фрагменты, необходимые для работы на семинаре. Это – минимум, рекомендованный к прочтению.
2. **Рассел Б. Ценность философии**. – В кн.: Хрестоматия по философии : уч. пособие / сост. П. В. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2005. – **С. 3–8.**
3. **Новая философская энциклопедия :** в 4 т. / Ин-т философии РАН; под ред. В. С. Степина, А. П. Огурцова. – М. : Мысль, 2000. – Режим доступа электронной версии: http://www.iph.ras.ru/enc.htm (где см. в меню закладку «Алфавитный указатель»). – **Статьи: «Истина», «Научная революция», «Парадигма».**

ТЕКСТ **Ortega y Gasset José (1883–1955).** **QUE ES FILOSOFÍA?**	**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (работа ПОНИМАНИЯ)** Эта часть таблицы предназначена для фиксации ваших ответов на поставленные здесь же вопросы. Если не оговаривается иное, вопрос адресован к конкретному фрагменту текста Ортеги.
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ *Работа «Что такое философия?» представляет собой стенограмму курса лекций 1929 г., начатого в феврале в Мадридском университете и завершённого в городском театре. Лекции (по тексту книги их было 11) параллельно курсу публиковались в испанской газете «El Sol», а также – фрагментарно – в аргентинской газете «La Nación».* *Это был первый в Испании курс философии, прочитанный вне академических стен. Мадридский университет в 1929 г. был закрыт приказом правительства: тогда в университетских центрах страны начались забастовки студентов и преподавателей против диктатуры Примо де Риверы. По этой причине курс продолжился в театре Мадрида, причём его слушали не только студенты и гуманитарная интеллигенция, но и «большое число людей неучёных, интереса которых к подобным проблемам нельзя было подозревать» (по словам издателей).* *Чтение курса «утвердило» Ортегу как одного из крупных философов эпохи.*	*Прокомментируйте **очевидную странность** обстоятельств, сопровождавших возникновение этого текста. Что именно странно? Для кого странно?* *Были и иные, более масштабные обстоятельства создания курса лекций, то есть более широкий социально-исторический контекст. Приведите как минимум два из этих обстоятельств, имевших общеевропейский масштаб. Ориентируйтесь на год чтения курса Ортегой – это важно!* ***Ключевой вопрос: почему люди шли на этот курс???***

1. КАК СЛЕДУЕТ УЧИТЬ(СЯ) ФИЛОСОФИИ?

«…В сфере искусства, любви или идей от заявлений и программ, я полагаю, нет большого толка <…> Размышление на любую тему – если это по-настоящему глубокое и положительное размышление – неизбежно удаляет мыслителя от общепринятого, или расхожего, мнения, от того, что… заслуживает названия "общественного мнения" или "тривиальности". Любое серьёзное умственное усилие открывает перед нами неизведанные пути и уносит от общего берега к безлюдным островам, где нас посещают необычные мысли. Они плод нашего воображения. Так вот, объявление или программа заранее уведомляют нас о результатах, ни словом не обмолвившись о пути, который привел к их открытию. Но, как мы вскоре убедимся, мысль, оторванная от ведущего к ней пути, напоминает остров с крутыми берегами; это абстракция в наихудшем смысле слова, поэтому она недоступна пониманию. Что пользы в самом начале исследования воздвигать перед публикой неприступный утес нашей программы, т. е. начинать с конца? (с. 51).

<…> Мы будем постепенно приближаться к истинной теме [этого курса лекций], которую пока не стоит называть, так как название нам ничего не скажет <…> Мало того, мы будем бесстрашно погружаться в то, что каждый считает своей жизнью и что на самом деле оказывается только её оболочкой; пробив её, мы попадём в подземные глубины нашего бытия, остающиеся для нас тайной просто потому, что они находятся внутри нас, потому, что они – наша суть (с. 52–53).

[Я] столкнулся неожиданно с огромным числом слушателей, которых пожелал мне послать наш щедрый беспокойный город <…> я объявил академический и, стало быть, строго научный курс под названием "Что такое философия?". [Возможно, кто-то решил], что я предлагаю введение в основы философии, т. е. поверхностное рассмотрение набора традиционных философских вопросов, поданное в новой форме… Это заблуждение, способное только запутать ваши мысли и отвлечь ваше внимание. Я задумал нечто совершенно противоположное введению в философию: взять саму философскую дея-

Учение vs *обучение*: в чём разница?

КАК мыслит философ? Зафиксируйте все отмеченные в данном фрагменте черты *философского размышления*, отличающие его от *расхожего/тривиального мнения*. Их должно оказаться не менее восьми:

«Глубокое и положительное размышление» = МЫШЛЕНИЕ= ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ	**«Общепринятое (расхожее) МНЕНИЕ»**
Homo Theoreticus	**Homo …?**

Где вы уже встречались с изучением чего-либо «постфактум», то есть «с конца»?
Что имеется в виду, когда Ортега говорит о *пути* к какой-либо мысли? К чьей мысли? *Путь* и *мысль* – это разное?

Почему нельзя начинать изучение философии её *программой*? Что означает здесь *программа*? Касается ли это требование только философии?

Где такая – *поверхностная* – практика обращения с философией может встретиться?

тельность, само философствование и подвергнуть их глубокому анализу. [В этом смысле я решился на] монографическое исследование сверхспециального вопроса. [Такой вопрос], на первый взгляд, представляется сугубо специальным и профессиональным вопросом для одних только философов. Но при строгом расследовании вопроса, что такое философия как особое, частное занятие философов, мы вдруг провалимся в люк и окажемся в самом что ни на есть человеческом, в горячих, пульсирующих недрах жизни (с. 53).

<…> [наше представление] о чтении или слушании за редким исключением сводится к тому, чтобы скользить от непосредственного, мгновенно схваченного значения одного слова к значению другого и от поверхностного смысла одной фразы – смыслу следующей. Но так – вне всякого сомнения – нельзя понять ни одного философского высказывания. Философию нельзя читать – нужно проделать нечто противоположное чтению, т. е. продумывать каждую фразу, а это значит дробить её на отдельные слова, брать каждое из них и, не довольствуясь созерцанием его привлекательной наружности, проникать в него умом, погружаться в него, спускаться в глубины его значения, исследовать его анатомию и его границы, чтобы затем вновь выйти на поверхность, владея его сокровенной тайной. Если проделать это со всеми словами фразы, то они уже не будут просто стоять друг за другом, а сплетутся в глубине самыми корнями идей, и только тогда действительно составят философскую фразу. От скользящего, горизонтального чтения, от умственного катания на коньках нужно перейти к чтению вертикальному, к погружению в крохотную бездну каждого слова, к нырянию без скафандра в поисках сокровищ (с. 86).

Место для рис. 1

Что именно противоположно чтению?

Свидетельства трёх философов о том же:

1) философскому мышлению свойственна особая работа с языком (подобная поэтической): пытаясь мыслить *с начала*, философия вынуждена и говорить на языке, как бы снова и впервые возникающем… это свободное и чуткое обитание в стихии языка… внимательное вслушивание в язык… *// А. Ахутин. Дело философии. С. 23;*
2) М. Хайдеггер: *«Каждому слову возвращать его вес»*; *«Мышлению мы учимся, внимая тому, что дано для мысли» // Что зовётся мышлением… С. 37, 35;*
3) Г.-В.-Ф. Гегель: *«*Ибо по отношению к мыслям и в особенности к спекулятивным мыслям *понимать* означает нечто совершенно другое, чем лишь *улавливать грамматический смысл слов»*. Такое «понимание» напоминает ситуацию, когда животное слушает звуки музыкального произведения, но не слышит в нём главного – гармонии, то есть собственно музыки *// Г. Гегель. Лекции по истории философии. Т. 1. С. 67*.

О какой именно филологической процедуре говорят Х. Ортега, М. Хайдеггер и А. Ахутин?

2. ИСТОК ФИЛОСОФИИ. ПОЧЕМУ ЛЮДИ ФИЛОСОФСТВУЮТ?

Философия есть высшее умственное усилие, по сравнению с которым другие науки, даже чистая математика, несут на себе от-

Как возможна иерархия *интеллектуальных полей* (не *наук*)?

печаток эмпиризма. [Никакая *практическая* необходимость не вынуждает человека ставить перед собой *теоретические*, то есть *непрактические*, вопросы. Это предопределено нашим видом:] …основным в Homo Theoreticus, в познавательной деятельности является дар превращать вещи в проблемы, открывать скрытую в них онтологическую трагедию <…> Философия возникает не по причине полезности, однако не из беспричинного каприза. Она является основной потребностью разума. Почему? Её существенным признаком мы назвали поиск целого как такового, захват Универсума. Откуда берётся это стремление? Почему не довольствоваться тем, что вам открывается в мире без всякой философии, тем, что уже есть и находится здесь перед нами? Да просто потому, что всё существующее и находящееся здесь, данное нам, присутствующее, явное – это, в сущности, только кусок, осколок, фрагмент, обрубок [о *недостаточности* см. далее]. Глядя на него, нельзя не заметить, не почувствовать его изъяна. В любом данном нам бытии, в любом явлении мира мы обнаруживаем глубокий след излома, свидетельство того, что это часть и только часть, мы видим рубец его онтологического увечья, к нам вопиют страдания калеки, его тоска по отнятому, его божественная неудовлетворенность… Это тоска по тому, чем мы не являемся, призвание нашей неполноты и искалеченности <…> Таким предстает перед нами мир: он не самодостаточен, не служит основанием для собственного бытия, а кричит о том, чего ему недостает, провозглашает свое не-бытие, вынуждает нас философствовать; ведь философствовать – значит искать целостность мира, превращать его в Универсум, придавая ему завершенность и создавая из части целое, в котором он мог бы спокойно разместиться. Мир недостаточен и фрагментарен, в основе этого объекта лежит нечто, не являющееся миром, не являющееся тем, что нам дано. Таким образом, это "нечто" решает основополагающую задачу, является основной сущностью <…> Так существует ли вообще необходимость в жизненном факте философствования? Если понимать под необходимостью "полезность" для чего-то другого, то философия не является необходимой,	*Теория* и *практика:* исходное (греческое) значение понятий. Почему здесь в тексте появляется латынь? *«Обычные предметы не возбуждают вопросов…»* // Рассел. С. 5. Что логически предшествует такому поиску? Каким образом происходит философское «восполнение мира» до *Универсума*? Почему, по Б. Расселу, имеет смысл (не путать с *«нужно»*!) изучать философию? «Самым вероятным произведением слов «σοφός», «σοφία» по-прежнему остается произведение от слова «σόος» – целый, невредимый, неповрежденный. Истинная философия занимается только целым и хочет восстановить сознание в его целости, целостности. Философ, сознающий свое призвание, – это врач, перевязывающий глубокие раны человеческого сознания и старающийся их осторожно,

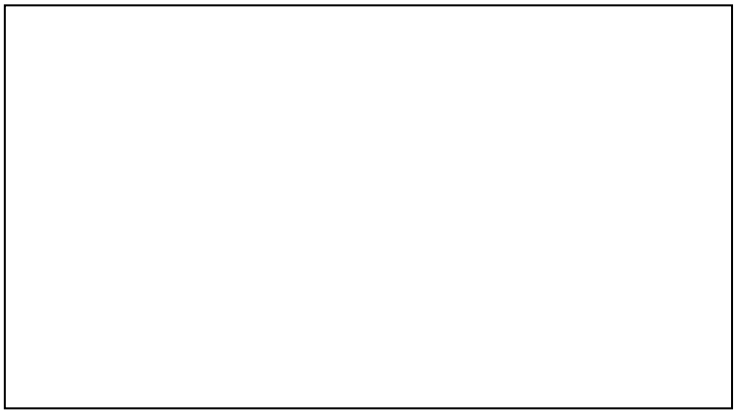
по крайней мере на первый взгляд. Однако необходимость полезного лишь относительна, она присутствует только по отношению к цели. Истинная необходимость – это необходимость для каждого существа быть самим собой: для птицы – летать, для рыбы – плавать, для ума – философствовать. Эта необходимость в осуществлении функции или акта нашего существования является самой высокой, самой существенной необходимостью. Поэтому Аристотель уверенно говорит о философии: "Все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше нет ни одной". Недаром Платон в пору наивысшего расцвета своей строгой мысли, подыскивая наиболее смелое определение философии, в самом разгаре диалога "Софист" назовет её "Наука людей свободных".

Вопреки расхожей молве, философия воплощает могучее стремление к поверхности, т. е. к тому, чтобы вынести на поверхность и по возможности сделать явным, ясным, доступным то, что было глубинным, тайным, скрытым… Философия – это могучее стремление к прозрачности и упорная тяга к дневному свету. Её главная цель – вынести на поверхность, обнажить, открыть тайное или сокрытое; в Греции философия сначала называлась αλήθεια, что означает разоблачение, обнажение, раскрытие – короче, проявление. А проявить – значит произнести слово: λόγος. Если мистицизм – молчание, то философия – слово, открытие бытия вещей в полной обнаженности и прозрачности речи, слово о бытии: онтология. В отличие от мистицизма философия стремится быть произнесённой тайной.

[Примечательно, что,] хотя философским проблемам в силу их радикальности свойственна патетика, сама философия ею не страдает. Скорей её можно сравнить с приятным занятием, склонностью, увлечением.

<…> Откуда берётся это стремление к Универсуму, к целостности мира, лежащее в основе философии? Аристотелю этот вопрос представляется весьма простым, и он начинает свою "Метафизику" словами: "Все люди от природы стремятся к знанию". Познавать – значит не довольствоваться проявлением вещей, но искать за ними их "сущность". Странное свойство этой "сущности" вещей. Она приторопливо залечить. Это, конечно, длительный процесс, который не может быть с легкостью совершен с помощью одного курса. Восстановление гораздо труднее, когда большинство вовсе не хочет излечиваться и, как злополучный больной, уже поднимает капризный крик, когда только приближаются к его ранам; этот капризный крик большей частью и составляет то, что приходится слышать как так называемую полемику против более глубокой философии от толпы лишь номинальных философов, равно как явных и объявивших себя таковыми нефилософов» *(Шеллинг. Из лекций по философии откровения).*

Место для рис. 2

Какое из тривиальных мнений о философии оспаривается этим сравнением?

сутствует в них не явно, а, напротив, скрыто пульсирует всегда где-то за ними, где-то "дальше". Аристотелю кажется "естественным", что мы задаёмся вопросом об этом "дальше", хотя естественным было бы довольствоваться вещами, среди которых мы в основном проводим нашу жизнь. Сначала нам ровно ничего но известно об их "сущности". Нам даны только вещи, но не их сущность. Они даже не содержат никакого положительного указания на то, что за ними скрывается их сущность. Очевидно, то, что "дальше" вещей, не находится внутри них <…>	Что значит «пульсирует»? Почему здесь не сказано «имеется», «есть»?
Познавать – значит искать то, что не находится здесь: сущность вещей… Аристотель разъясняет нам свою идею происхождения познания. По его мнению, оно просто-напросто состоит в использовании или развитии некоторой имеющейся у человека способности, подобно тому как ви́дение – это просто использование зрения. У нас есть чувства, у нас есть память, в которой хранятся их данные, у нас есть опыт, в котором происходит отбор и отсев этой памяти. Всё это – врождённые механизмы человеческого организма, которыми человек пользуется, хочет он того или нет. Однако всё это не познание.	[Материал и предмет]
Не являются им и другие способности, справедливо получившие название умственных, например отвлечение, сопоставление, умозаключение и т. д. Ум, или совокупность всех этих способностей, которыми одарен человек, – это также полученный им механизм, несомненно в той или иной степени служащий познанию. Однако само познание не способность, не дар и не механизм, а, напротив, задача, поставленная перед собой человеком. И задача, возможно, невыполнимая. До такой степени познание не инстинкт! Итак, очевидно, что познание – не просто использование умственных способностей, ведь никто не говорит, что человеку удаётся познать, а ясно одно: он прилагает тяжкие усилия к познанию, задается вопросом о потустороннем мире сущностей и изнемогает в стремлении к нему…	«Новорождённые дети, получая впечатление от света и красок, ещё не воспринимают объекты и не видят их в собственном смысле слова; в первые недели они пребывают в оцепенении, которое проходит, когда их рассудок начинает применять свою функцию к данным чувствам, в частности к осязанию и зрению, благодаря чему постепенно в их сознание входит объективный мир <…> люди, поздно обретшие зрение [слепорождённые], сразу же после операции видят свет, цвета и контуры, но ещё не способны к объективному созерцанию предметов <…> когда слепой из Чессельдена впервые увидел свою комнату с находящимися в ней различными предметами, он ничего не различал; у него создалось общее впечатление некоего единого целого: он принял свою комнату за гладкую, различно окрашенную поверхность <…> О расстояниях такие люди сначала вообще не имеют понятия и тянутся ко всему» // Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. Гл. 4. С. 58–59.
Один Платон догадывался, что корень познания лежит как раз в недостаточности полученных человеком дарований, которую подтверждает тот страшный факт, что человек "не знает". Ни Богу, ни животному это не свойственно. Бог знает всё, и потому не познаёт. Животное не знает ничего, и потому тоже не познает. Но чело-	Это похоже на так называемые *фантомные боли,* известные в клинической психологии. Дайте их определение.

век – это живая недостаточность, человек нуждается в знании, приходит в отчаяние от незнания. <…> Под ногами у философа нет никакого прочного основания, твёрдой устойчивой почвы. Он заранее отвергает любую надёжность, испытывает абсолютную опасность, приносит в жертву свою чистосердечную веру, убивает в себе живого человека, чтобы, преобразившись, возродиться как чистый разум. Он может, как Фихте, сказать: «Философствовать – значит, собственно говоря, не жить, а жить – значит, собственно говоря, не философствовать».	Тезис прямо связан с понятием *рефлексия*. Объясните это.
3. ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ *ИСТИНЫ* «…Итак, я говорю, что сегодня наше представление о философии в корне отличается от представления предыдущего поколения. Но это заявление равносильно признанию, что истина меняется, что вчерашняя истина сегодня становится заблуждением, и, стало быть, сегодняшняя истина, вероятно, уже не будет пригодна завтра. Не значит ли это заранее умалять значение нашей собственной истины? (с. 54). <…> Возьмём, к примеру, закон всемирного тяготения. В той мере, в какой этот закон является истиной, он, несомненно, был ею всегда, т. е. с тех пор, как существует материя, обладающая весом, существуют тела; последние всегда вели себя в соответствии с его формулой. Тем не менее пришлось дожидаться, пока в один прекрасный день XVII в. его не откроет один человек с Британских островов. И наоборот, нет ничего невозможного в том, что в другой прекрасный день люди забудут этот закон – не опровергнут или уточнят, поскольку мы предполагаем его полную истинность, а просто забудут и станут относиться к нему так же, как до Ньютона, – не будут даже подозревать о нём. Это придаёт истинам двойное, весьма курьёзное свойство. Сами по себе они предсуществуют всегда, не претерпевая ни малейшего искажения или изменения. Однако то, что ими овладевает реальный субъект, подверженный воздействию времени, сообщает им видимость историчности: они возникают в один прекрасный день и, быть может, улетучатся в другой. Ясно, что эта временность относится собственно не к ним, а к их присутствию в человеческом	Определите этот тезис специальным философским термином: истина _____ *(какова?)* Зафиксируйте ниже качества истины, упоминаемые Ортегой *(не менее шести позиций)*: – – – – – –

разуме. <…> Тогда почему некую истину схватывает, улавливает некий человек в некое время? Почему о ней не задумывались раньше или позже? Почему её открыл именно этот человек? Очевидно, речь идёт о существенном сходстве между конфигурацией этой истины [и субъектом, которому она открывается]. Всё имеет причину. Если случилось так, что до Ньютона закон всемирного тяготения не был открыт, значит между человеческим индивидом Ньютоном и этим законом существовало определённое родство. Какого вида это родство? Подобие? Проблему не следует облегчать, – напротив, необходимо подчеркнуть её загадочность. Каким образом человек может походить, к примеру, на геометрическую истину? – впрочем, как и на любую другую. Чем теорема Пифагора похожа на человека Пифагора? Школьник остроумно ответит, что штанами, испытывая неосознанное желание соединить теорему с личностью её автора. К сожалению, у Пифагора не было штанов, в то время их носили только скифы, которые зато не открывали теорем (с. 56–57).	Каким термином определяется эта процедура философского «схватывания»?
<…> Однако не будем впадать в тривиальность, которая последние восемьдесят лет препятствовала развитию мышления, не будем истолковывать сказанное в духе крайнего релятивизма, согласно которому каждая истина является истиной только для определённого субъекта. То, что настоящая истина годится для всех, и то, что её удаётся узнать и усвоить только одному или нескольким из всех, либо только в ту или иную эпоху, – вещи совершенно разные...	В каком смысле истина *исторична*?
Нужно понимать, что мысли меняются не в результате изменения вчерашней истины, сегодня ставшей заблуждением, а в результате изменения ориентации человека, благодаря которому он начинает видеть перед собой другие истины, отличающиеся от вчерашних. Стало быть, меняются не истины, а человек, и он, меняясь, просматривает ряд истин и отбирает из потустороннего мира, о котором мы ранее упоминали, наиболее ему близкие, не замечая всех остальных, обратите внимание на то, что это главное a priori истории. Разве не это составляет содержание человеческой истории?»	Что значит «истина меняется»? Надо понимать так, что прежняя становится заблуждением, а новая входит в статус истины?.. Или…? Что означает здесь оборот «потусторонний мир»? Почему здесь вообще возникает тема *истории*?
<…> Галилей видел задачу физики в открытии специальных законов поведения тел "в придачу к общим геометрическим зако-	Следует ли это понимать так, что открытый отдельным человеком ракурс видения мира сразу же меняет привычные очертания реально-

нам". Ему ни на миг не приходило в голову усомниться в господстве этих законов над телесными явлениями. Поэтому он не стал производить опытов, доказывающих, что природа подчиняется евклидовым теоремам. Он заранее допустил как нечто самоочевидное и обязательное высшую юрисдикцию геометрии над физикой; если сказать то же самое иными словами – считал геометрические законы законами физическими в высшей степени. Самым гениальным в труде Эйнштейна мне представляется решительность, с которой он избавляется от традиционного предрассудка; заметив несоответствие наблюдаемых явлений закону Евклида, он оказывается перед конфликтом юрисдикции геометрии и чистой физики и, не колеблясь, объявляет последнюю независимой…	сти для всех? Почему Ортега приводит примеры из области науки, а не «чистой» философии? Примеры *чего* он приводит? Дополнение Ортеги к различению истин философской и научной: *«Есть ещё один род знания, не имеющий отношения к истине: "Doxa" – это стихийное обыденное мнение; более того, это "естественное" мнение. Философия обязана отмежеваться от него, идти дальше или спуститься ниже, чтобы найти другое мнение, другое "Doxa", более надёжное, чем мнение стихийное. Поэтому она и состоит из para-doxa» [букв. ‘против принятого мнения’].*
4. ОГРАНИЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО (НАУЧНОГО) ПОЗНАНИЯ МИРА Можно сказать, что с 1840 по 1900 гг. человечество переживало один из самых неблагоприятных для философии периодов. Это было антифилософское время. Если бы без философии в сущности можно было обойтись, за эти годы она, несомненно, исчезла бы совершенно. Но поскольку человеческий разум нельзя совсем лишить философского измерения, оно было сведено к минимуму. <…> Как же произошёл этот упадок, это истощение корпуса философии? Подобный факт объясняется целым рядом причин… (с. 59). Заметьте, что любая наука или знание имеют свой предмет – то, о чем эта наука знает нечто или пытается узнать, – вдобавок ей присущ определённый метод познания того, что она знает. Так, предмет математики – числа и пространство – отличается от предмета биологии – органических явлений. Но математика, кроме того, отличается от биологии как метод познания, как вид знания. Для математика знать и познавать значит думать, вывести теорему посредством строгих суждений, основанных в конечном счете на бесспорных фактах. Биология, напротив, довольствуется приблизительными обобщениями неточных фактов, о которых мы узнаем с помощью чувств. Поэтому как метод познания обе науки отличаются по рангу: математи-	О каком именно направлении западной мысли идёт речь? Почему это было «антифилософское» время? Каким образом философия *присуща* человеческому разуму? Каковы два необходимых и достаточных критерия научного знания? Определите эти два способа умозаключения терминологически. Выше упомянуты открытия Галилея и Эйнштейна; определите движение их мысли, т. е. логику, одним из этих терминов

ческий почитают за образец, биологический в целом считают незрелым. Но математика, в свою очередь, имеет тот недостаток, что объекты, к которым применима ее теория, не реальные, а, по словам Декарта и Лейбница, "мнимые". Но вот в XVI в. появляется новая научная дисциплина – nuova scienza Галилея, которая, с одной стороны, обладает дедуктивной строгостью математики, а с другой – повествует о реальных предметах, о светилах и вообще о телах. В хронике развития мысли такое засвидетельствовано впервые; впервые появилось знание, полученное путем строгой дедукции и вместе с тем подтвержденное чувственным наблюдением фактов, т. е. подчиняющееся двойному критерию достоверности: чистому рассуждению, с помощью которого мы думаем прийти к некоторым заключениям, и простому восприятию, подтверждающему эти чисто теоретические выводы. Нерасторжимый союз двух критериев привел к появлению так называемого экспериментального метода познания, характерного для физики. Неудивительно, что наука, наделенная такими счастливыми свойствами, сразу же стала выделяться среди других наук, привлекая лучшие умы. Даже с исключительно теоретической точки зрения как чистая теория или точное знание физика, несомненно, является чудом разума. Однако вскоре ни для кого не осталось тайной, что дедуктивные выводы рациональной физики и чувственные наблюдения, полученные в ходе эксперимента, совпадают не точно, а только приблизительно. Правда, это расхождение было не настолько велико, чтобы помешать практическому развитию науки. Конечно же, эти две особенности физического знания: практическая точность и подтверждение этого знания при помощи чувственно воспринимаемых фактов (не забывайте о том впечатляющем обстоятельстве, что звезды, будто подчиняясь законам, предписанным им астрономами, с редким усердием спешат на свидание друг к другу в такой-то час и в такой-то точке огромного небосклона), я повторяю, эти две особенности не могли бы сами по себе обеспечить последующий невиданный триумф физики. Этот метод познания беспредельно прославила третья особенность. Оказалось, что физические истины, помимо их теоретических достоинств, могут употребляться для получения житейской пользы. Опираясь на них, чело-	В чём заключалась «революция» Галилея? Каким образом учение Галилея **подготовило** «триумф физики»? Является ли физика *чисто эмпирической* наукой? Чем был **обусловлен** «империализм физики»?

век мог вмешиваться в природу, извлекая из нее выгоду. Эта третья особенность – практическая пригодность, обеспечивающая господство над материей, уже не относится к достоинству и совершенству физики как теории и знания. В Греции это изобилие практических возможностей не приобрело бы решительного влияния на души, но в Европе оно совпало с господством так называемого буржуа, человека того типа, который не чувствует призвания к теоретическому созерцанию, а нацелен на практику. Буржуа желает разместиться в мире с удобствами и для этого вторгается в него, сообразуясь с собственным удовольствием. Поэтому буржуазная эпоха гордится в первую очередь успехами индустриализации и вообще полезными для жизни специальностями: медициной, экономикой, управлением. Физика приобрела невиданный престиж, потому что от нее произошли машина и медицина. Интерес, проявленный к ней массой средних людей, не плод научной любознательности, а материальный интерес. В подобной атмосфере и зародилось то, что можно было бы назвать "империализмом физики".	Концепт «буржуа» имеет аналог в работе Б. Рассела. Какой? Чем ограничена жизнь такого человека, по Б. Расселу?
Нам… представляется весьма естественным, самым естественным и разумным, что предпочтение отдается тому методу познания, который независимо от своих теоретических достоинств приносит нам практическое господство над материей… практическая польза принимается за эталон истины. Напротив, мы начинаем догадываться, что это стремление властвовать над материей и делать ее удобной, этот восторг перед комфортом, возведенным в принцип, столь же спорен, как и любой другой. Встревоженные этим подозрением, мы начинаем понимать, что комфорт не более чем субъективное пристрастие, каприз западного человечества, длящийся уже 200 лет... Есть люди, предпочитающие комфорт всему остальному; есть люди, не придающие ему большого значения. Когда Платон предавался размышлениям, без которых не появилась бы современная физика, а вместе с ней и комфорт, он, как и все греки, вёл очень суровую жизнь, а что до удобств, средств передвижения, отопления и домашней утвари – совершенно варварскую. В то же время китайцы, никогда не занимавшиеся научным мышлением, не разработавшие ни одной теории, вырабатывали чудесные ткани, создавали предметы бы-	Практическая польза как критерий значимости явления: в чём слабость этого тезиса? Каковы различные предусловия научного поиска, с одной стороны, и философствования, с другой? Почему, согласно Б. Расселу, обыденное мнение сочтёт физику «полезной», а философию «бесполезной»? Может ли быть философ назван «практическим человеком», если следовать логике Б. Рассела? Почему?

та, сооружали приспособления, служащие утонченному комфорту. Пока в Афинах, в Академии Платона, изобретали чистую математику, в Пекине изобрели носовой платок. Итак, очевидно, что страсть к комфорту, последний довод в пользу предпочтения, отдаваемого физике, не служит свидетельством превосходства. В одни времена это понимали, а в другие – нет <…> Прошло немного времени, и на заре нашего века из этих идей родилась философия: прагматизм. С обаятельным цинизмом, свойственным "янки", как и любому новому народу, североамериканский прагматизм отважно провозгласил тезис: "Нет истины кроме практического успеха" <…> Теперь же мы только намерены показать, что имперский триумф физики объясняется не столько ее достоинствами как науки, сколько социальными причинами. Общество заинтересовалось обильными плодами физики, и в результате этого общественного интереса самомнение физиков за последние сто лет непомерно выросло. <…> в результате почти столетие духовная жизнь Европы страдала от того, что можно было бы назвать "терроризмом лабораторий". <…> Философия была растоптана, унижена империализмом физики и запугана интеллектуальным терроризмом лабораторий. Повсюду царили естественные науки <…> но сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение ученых, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам – по крайней мере мне – нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее».	Обозначьте терминологически эту концепцию истины.
5. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ <…> Тот, кто задаётся вопросом об Универсуме, уже философствует – лучше или хуже, искусно или неумело, цивилизованно или по-дикарски. «Первым на ум приходит определение философии как познания Универсума. Однако это определение, хотя оно и верно, может увести нас в сторону от всего того, что ее отличает: от присущего ей	Почему здесь не сказано «те, кто…»? О ЧЁМ мыслит философ? *Предмет* мысли гарантирует ли, что это будет именно *мысль*? Определяется ли философствование предметом, т. е. «мышлением о чём-то», например, об *Универсуме*, о *бытии,* о *вечном* и т. п.? Что такое универсум, summa rerum?

драматизма и атмосферы интеллектуального героизма, в которой живёт философия и только философия. В самом деле, это определение представляется антитезисом возможному определению физики как познания материи. Но дело в том, что физика сначала очерчивает границы последней и только затем берётся за дело, пытаясь понять её внутреннюю структуру. Математик также дает отделение числу и пространству, т. е. все частные науки стараются сначала застолбить участок Универсума, ограничивая проблему, которая при подобном ограничении частично перестает быть проблемой. Иными словами, физику и математику заранее известны границы и основные атрибуты их объекта, поэтому они начинают не с проблемы, а с того, что выдается или принимается за известное. Но что такое Универсум, на розыски которого, подобно аргонавту, смело отправляется философ, неизвестно. Универсум – это огромное и монолитное слово, которое, подобно неопределенному, широкому жесту, скорее затемняет, чем раскрывает это строгое понятие: всё имеющееся. Для начала это и есть Универсум...	В чём различие методов познания науки (физики, математики и т. п.) и философии? Что именно изучает философия?
Итак, философ, в отличие от любого другого, ученого берётся за то, что само по себе неизвестно. Нам более или менее известно, что такое часть, доля, осколок Универсума. По отношению к объекту своего исследования философ занимает совершенно особую позицию, философ не знает, каков его объект, ему известно о нём только следующее: во-первых, что это не один из остальных объектов; во-вторых, что это целостный объект, что это подлинное целое, не оставляющее ничего вовне себя и тем самым единственно самодостаточное целое. Но как раз ни один из известных или воображаемых объектов этим свойством не обладает. Итак, Универсум – это то, чего мы по существу не знаем, что нам абсолютно неизвестно в своём положительном содержании.	Каким способом науки «столбят» свою «территорию»? Доступна ли эта процедура философу? Каковы исходные сведения об Универсуме для философа?
Совершая следующий круг, можно сказать: другим наукам их объект даётся, а объект философии как таковой – это именно то, что не может быть дано; поскольку это целое нам не дано, оно в самом существенном смысле должно быть *искомым*, постоянно искомым. <…> Философия, исповедующая чистый теоретический героизм, никогда не шла надёжным, спокойным и буржуазным путём. Как и её	

объект, она является универсальной и абсолютной наукой, ищущей себя. Так назвал её первый знаток нашей дисциплины Аристотель: философия – наука, которая себя ищет. Однако в вышеприведенном определении "философия – это познание Универсума" слово "познание" имеет иное значение, чем в прочих научных дисциплинах. Познание в строгом, изначальном смысле – это конкретное позитивное решение проблемы, т. е. совершенное проникновение субъекта в объект с помощью разума. <…> Поэтому я предлагаю, определяя философию как познание Универсума, понимать под этим целостную систему умственной деятельности, в которую систематически организуется стремление к абсолютному знанию. Итак, совокупность мыслей может стать философией при одном условии: реакция разума на Универсум должна быть такой же универсальной, целостной – короче, должна быть абсолютной системой.	
<…> Только в определённых точках доктринальный корпус физики соприкасается с реальностью природы – в экспериментах. И его можно варьировать в тех пределах, при которых эти точки соприкосновения сохраняются. А эксперимент представляет собой манипуляцию, посредством которой мы вмешиваемся в природу, принуждая её к ответу. Однако эксперимент раскрывает нам не саму природу как она есть, а только её определенную реакцию на наше определённое вмешательство. Следовательно, так называемая физическая реальность – и это мне важно формально выделить – реальность зависимая, а не абсолютная квазиреальность, вот она обусловлена человеком и связана с ним. Короче, физик называет реальностью то, что происходит в результате его манипуляций. Эта реальность существует только как функция последних.	Каковы отличия научного познания от философского? В чём, по Б. Расселу, отличие знания, к которому может привести философия, от знания, обеспечиваемого наукой? Реальность эксперимента («короля доказательства») и так называемая *полная реальность* – в чём разница между ними?
Итак, философия ищет в качестве реальности именно то, что обладает независимостью от наших действий, не зависит от них; напротив, последние зависят от этой полной реальности.	Каковы пределы достоверности естественнонаучного (экспериментального) знания?
<…> Универсум – это название объекта, проблемы, для исследования которых родилась философия. Но этот объект, Универсум, настолько необычен, так глубоко отличается от всех остальных, что, конечно же, требует от философа совершенно иного подхода, чем	

в других научных дисциплинах. Формально я понимаю под Универсумом "всё имеющееся". То есть философа интересует не каждая вещь сама по себе, в своём обособленном и, так сказать, отдельном существовании, – напротив, его интересует совокупность всего существующего и, следовательно, в каждой вещи – то, что её отделяет от других вещей или объединяет с ними: её место, роль и разряд среди множества вещей… Мы понимаем под вещами не только физические и духовные реалии, но также всё ирреальное, идеальное, фантастическое и сверхъестественное, если оно имеется. Поэтому я предпочёл слово "иметь"; я даже говорю не "всё существующее", а "всё имеющееся". Это "имеющееся" охватывает самый широкий круг предметов, какой только можно очертить, настолько широкий, что включает вещи, о которых мы непременно скажем, что они имеются, но не существуют. Например, круглый квадрат, нож без черенка и лезвия… <…> Философия с самого начала допускает возможность того, что мир сам по себе – неразрешимая проблема. [Это так в случае допущения, что Универсум, то есть всё имеющееся, непознаваем по одной из двух причин: или мы неспособны его познать, или он сам по себе, по своей структуре непроницаем для мысли, ибо иррационален]. <…> В частных науках не возникает сомнения в познаваемости их предмета, там можно сомневаться в возможности полного познания и сталкиваться с некоторыми частными неразрешимыми проблемами в пределах своей общей проблемы. И даже, как в математике, доказывать их неразрешимость. Сама позиция учёного подразумевает веру в возможность познания своего объекта <…> И в обратном порядке, физической проблемой считается только то, что можно измерить и методически рассмотреть. Лишь философ в качестве существенного элемента своей познавательной деятельности допускает возможность непознаваемости своего предмета. А это означает, что философия – единственная наука, рассматривающая проблему таковой, какова она есть, без предварительного насильственного приручения. [Наука занимается практическими проблемами:] камень, лежа-	1) мир как всё, вся, всяческая: τὸ παν, τὰ πάντα. Невидимость мира; 2) мир как целое / единое. Суммируйте атрибуты понятия *Универсум*, встречающиеся в данном фрагменте работы (не менее 8 позиций): – – – – – – – – Каково принципиальное отличие *философского* предмета от *научного*? Что такое *предмет*? В чём отличие научных проблем от философских?

щий на пути, мешает нам двигаться вперед. Практическая проблема состоит в том, чтобы заменить наличную реальность на иную, чтобы на дороге не было камня, стало быть, появилось то, чего нет... Практическая проблема – это такое состояние ума, в котором мы проектируем изменение реальности, задумываем появление того, чего пока нет, но нам необходимо, чтобы оно было. В корне отличается от этого состояние, при котором возникает теоретическая проблема. В языке эта проблема выражается вопросом: "*Что* такое та или иная вещь?" Обратите внимание на странность этого ментального действия, подобного запроса. То, о чём мы спрашиваем: "Что это?" – находится здесь, оно *есть* – в том или ином смысле, – иначе нам в голову не пришло бы об этом спрашивать. Однако оказывается, что нам недостаточно того, что нечто есть и находится здесь; напротив, нас беспокоит, что это есть и есть таково, каково оно есть, нас раздражает его бытие… Отсюда следует, что теоретическая проблема встаёт лишь тогда, когда мы исходим из того, что есть, что несомненно находится здесь, но тем не менее или в силу этого мыслится так, будто его нет, будто его не должно быть. Таким образом, теория начинается – как это ни парадоксально – с отрицания реальности, с виртуального разрушения мира, с его уничтожения: это идеальное возвращение мира назад к ничему, ко времени до его сотворения и вместе с тем изумление перед его бытием и движение вспять к его истокам. <…> Философия – это познание вселенной, или всего имеющегося… С высоты философии любое другое знание представляется наивным и в некотором отношении ложным, т. е. опять-таки оказывается проблематичным…»	«Он шел через поля, юный мальчик шестнадцати лет, когда взглянул на небо и увидел кортеж белых цапель, пересекающий небо в вышине: и ничего больше, только белизна живых созданий, скользящих в синем небе, ничего, только эти два цвета, один с другим; это неизгладимое впечатление вечности мгновенно пронзило его душу и отделило то, что было связано, связало то, что было отделено, так что он упал на землю как подкошенный» // *H. von Hofmannsthal. Lettres du voyageur a son retour / Lettre de Lord Chandos. Trad. de J.-Cl. Schneider, A. Kohn. Paris, 1992. P. 156–157. В приведённом фрагменте речь идет о Рама Кришне.*
6. «ВИДЫ» ИСТИНЫ «Восемьдесят лет назад бесспорное и неоспоримое предположение, вошедшее в плоть и кровь тогдашних мыслителей, звучало так: нет иного знания о мире, чем то, которое дает нам физическая наука, и нет иной истины о реальности, кроме "физической истины". В прошлый раз мы намекали на возможность существования других	Перечислите атрибуты **«физической истины»** *(не менее 8 позиций):* – – – –

видов "истины"… Тем временем физика развивалась и за последние полвека настолько усовершенствовалась и расширилась, достигла такой высокой точности в такой гигантской области исследования, что появилась необходимость в пересмотре ее принципов. Это говорится для тех, кто простодушно думает, что изменение доктринальной системы указывает на слабость науки. Истина заключается в обратном. Невиданное развитие физики объясняется правильностью принципов, выдвинутых Галилеем и Ньютоном, и это развитие достигло предела, вызвав потребность в расширении этих принципов путём их очищения. Это повлекло за собой "кризис принципов" – счастливую болезнь роста, переживаемую сегодня физикой. Мне неизвестно, почему слово "кризис" обычно наводит на невесёлые мысли; кризис есть не что иное, как глубокое и интенсивное изменение; оно может быть изменением к худшему, но также и к лучшему, как в случае с нынешним кризисом физики. Нет более верного признака зрелости науки, чем кризис принципов. Он означает, что наука настолько уверена в себе, что может позволить себе роскошь решительно пересмотреть свои принципы, то есть потребовать от них большей убедительности и твердости. Интеллектуальная сила как человека, так и науки измеряется той долей скептицизма, сомнения, которую он способен переварить, усвоить. Здоровая теория питается сомнением <…>. В основе физики лежат физические принципы, на которые опирается исследователь. Но чтобы пересмотреть их, нельзя оставаться внутри физики, необходимо выйти за её пределы. Поэтому физикам пришлось заняться философией науки, и в этом отношении самым показательным сегодня является пристрастие физиков к философии. Начиная с Пуанкаре, Маха и Дюгема и кончая Эйнштейном и Вейлем со всеми их учениками и последователями, теория физического познания развивалась усилиями самих физиков. Разумеется, все они испытали большое влияние философского прошлого, однако этот случай любопытен тем, что пока сами философы курили фимиам физике как теории познания, сами физики в своей теории пришли к выводу, что физика – низшая форма познания…	– – – – Как это соотносится с понятием *парадигма* Т. Куна? *(Ориентируйтесь на рекомендованные статьи из «НФЭ»)* Какова логика развития научного знания? Как в истории физики был назван результат этого движения мысли?

<…> "Научную истину" отличают точность и строгость её предсказаний. Однако эти прекрасные качества получены экспериментальной наукой в обмен на согласие не покидать плоскость вторичных проблем, не затрагивать конечные, решающие вопросы. <…> Но экспериментальная наука – только ничтожная часть человеческой жизнедеятельности. Там, где она кончается, не кончается человек. Если физик, описывая факты, задержит руку там, где кончается его метод, то человек, живущий в каждом физике, волей-неволей продолжит начатую линию до конца, подобно тому как при виде разрушенной арки наш взгляд восстанавливает в пустоте недостающий изгиб… Ведь жить – значит общаться с миром, обращаться к нему, действовать в нём, задумываться о нём. Поэтому человек в силу психологической необходимости практически не может не стремиться обладать полным представлением о мире, целостной идеей Универсума. <…>	В каком случае философское знание может стать *наукой*? Приведите примеры, опираясь на текст Б. Рассела:
…Неспособность экспериментальной науки своими силами решить главные вопросы еще не повод для того, чтобы, повторяя изящный жест лисы перед недосягаемым виноградом, называть их "мифами", советуя от них отказаться. Как можно жить глухим к конечным, драматическим вопросам? Откуда пришёл мир, куда идёт? Какова в конечном счёте потенция космоса? В чём главный смысл жизни? Мы задыхаемся, сосланные в зону промежуточных вторичных вопросов. <…> Тем более мы должны в глубинах нашего бытия с болью прислушаться к их требовательному зову. Разве исчезает жажда знаний, если её нельзя утолить? <…> Этим я хочу сказать, что нам не дано отказываться от конечных вопросов: хотим мы того или нет, они проникнут в нас в том или ином обличье. "Научная истина" точна, однако это неполная, предпоследняя истина, она неизбежно сливается с другим видом истины – полной, последней, хотя и неточной, которую беззастенчиво называют мифом. Тогда научная истина плавает в мифологии, да и сама наука в целом является мифом, великолепным европейским мифом.	*Главные/конечные/драматические вопросы философии* – являются ли они *проблемами*? Что такое *проблема*?
	Укажите известные в историко-философской традиции варианты понимания истины, ориентируйтесь на НФЭ, т. 2, с. 169–172.
Перед нами открытое противостояние двух типов истин: научной и философской. Первая точна, но недостаточна, вторая достаточна, но неточна. И получается, что эта неточная истина является	**Истина философская:** перечислите её атрибутивы.

более глубокой, и следовательно, истиной несомненно более высокого ранга, – не только потому, что её предмет шире, но и как метод познания; короче, менее точная философская истина более верна. Но это неудивительно. Бездумная расхожая тенденция считать точность атрибутом, определяющим качество истины, не только совершенно неправомерна, но и бессмысленна. Точность может существовать лишь тогда, когда речь идет о количественных объектах. Декарт говорит о том, что можно сосчитать и измерить. Строго говоря, это признак не истины как таковой, а некоторых определенных вещей Универсума, в конечном счете – только количества, в общем – материи. Истина может быть очень точной и тем не менее быть истиной лишь отчасти. Например, почти все физические законы имеют точное выражение, но так как они получены путем чисто статистических, т. е. вероятностных, подсчетов, они имеют только вероятностное значение. Происходит любопытное явление – эта серьёзнейшая и наболевшая тема заслуживает отдельного рассмотрения: в соответствии с требованиями физики истина становится всё более точной и в руках физиков становится системой чистых вероятностей, следовательно, второсортных истин, полуистин. Осознание этого – одна из причин, побуждающих современных физиков, могущественных творцов новейшей космической панорамы, заняться философией, утвердить свою цеховую истину на основе более полной жизненной истины».	Как определяет *доказательность* философских ответов Б. Рассел? Почему критерием «философской истины» не может быть точность, хотя «философская истина» строга? В чём ценность философии, по Б. Расселу?

Семинар № 2 по курсу *Философия*

ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Материалы

1. **Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию** // Вестник высшей школы. – 1989. – № 2. – С. 80–87 *(текст см. далее – приведён целиком)*.
2. **Пятигорский А. М. Философия на краю. Соло и импровизации** [о философствовании Мераба Мамардашвили] (Пермь, апрель 2007). – Режим доступа: http://yandex.ru/video/search?text=%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8 (это обязательно. И необходимо сделать выписки по вопросам плана семинара).
3. **Мераб Мамардашвили** [документальный фильм] / Реж. В. Балаян. (Это желательно.)

Задание

Прочтите текст, просмотрите документальный фильм и видеозапись лекции проф. Лондонского университета А. М. Пятигорского о М. К. Мамардашвили. К занятию готовьтесь, имея в виду эти материалы, по вопросам:

1. Почему «природа» философии входит в противоречие с обязательным преподаванием философии студентам естественнонаучного и технического направлений? Как М. К. Мамардашвили описывает эту «природу»?
2. Найдите соответствие тезису М. К. Мамардашвили о «своей философии» в лекции А. М. Пятигорского. Что имеется в виду под «своей» философией?
3. Как может быть описано философское вопрошание? Чем отличается *философский вопрос* от всякого иного? Мамардашвили критикует мнение, согласно которому задать «в лоб» некий философский вопрос значит уже философствовать – ситуация подлинно философского акта сложнее. Реконструируйте эту сложность.
4. Опишите структуру философского акта как *пути испытания / страдания*, с которыми глубинно связано *познание*. Попробуйте «изобразить» этот процесс в виде схемы.
5. Философский *путь* предполагает, что идущий по нему человек отказывается от самого себя, что является главным пред-условием философствования, по Мамардашвили. Раскройте это. *Путь* и *смерть*: как они связаны с *философствованием*, по А. М. Пятигорскому?
6. Для философского взгляда мир *не завершён*. Объясните это.
7. Существуют ли пространственно-временные ограничения в акте философствования? Происходит ли философия *во времени*? Как возможен диалог мысли *внутри* философского текста?
8. Как соотносятся «регистры» философствования и будничной жизни человека?
9. «Философия понятий и учений» и «реальная философия»: прокомментируйте разницу.
10. Имеет ли философствование цель?
11. Существует только два способа научиться философии. Опишите их, следуя различению М. К. Мамардашвили.
12. Как выстраивается отношение философствующего и философствования, по мысли А. М. Пятигорского? Объясните логический переход от этой его мысли к рассуждению о недоверии к некоторым словам из расхожего философского словаря.
13. Почему в философии по определению не может быть единомыслия?
14. В чём смысл притчи А. Пятигорского о голодном и роскошной булочной?
15. Почему философия как «высший уровень» мысли жизненно важна для человека?
16. Почему «нормальная антропология» неприменима к философствующему?

М. К. Мамардашвили

КАК Я ПОНИМАЮ ФИЛОСОФИЮ (1989)

– Мераб Константинович, сегодня можно услышать много всяческих, порой противоречивых мнений относительно будущего общественных наук в высшей школе. Всем ясно, что изучать их так, как они изучались в последние десятилетия, нельзя. У меня такое ощущение, что необходимые выпускникам высшей школы философские знания мы даем не так (я не имею в виду философские факультеты). Когда мы, например, преподаем философию будущим инженерам, она «проходит» мимо них. По-видимому, система передачи знаний должна предполагать большее разнообразие применительно к различным формам подготовки. И прежде всего это касается философии, которая является чем-то более высоким по сравнению с традиционным естественнонаучным и техническим знанием… В связи с этим вопрос: как вы оцениваете тот путь приобщения к системе философского знания, который принят в высшей школе?

– Мне кажется, в области приобщения к философскому знанию мы имеем дело с фундаментальным просчетом, касающимся природы самого дела, которому в мыслях своих хотят научить. Речь идет о природе философии, о природе того гуманитарного знания или гуманитарной искры, ее какой-то производящей духовной клеточки, которая *описывается* в понятиях философии и связана с духовным развитием личности. Преподавание философии, к сожалению, не имеет к этому отношения. Но у философии есть своя природа. Природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их. Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия. Действия, в результате которых появляется картина, хорошо сработанный стол или создается удачная конструкция машины, требующая, кстати, отточенного интеллектуального мужества. В этот момент может возникнуть некоторая философская пауза, пауза причастности к какому-то первичному акту. Передать и эту паузу, и новую возможную пульсацию мысли обязательным научением просто нельзя. Ставить такую задачу абсурдно. Это возможно только в том случае, если то, что называется философией, воспринимают как институционализированную часть государственного идеологического аппарата, некоторое средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим проблемам.

Но это уже совсем другая задача, правомерность которой можно оспаривать или нет, но к философии она отношения не имеет.

Более того, философия, как я ее понимаю, и не была никогда системой знаний. Люди, желающие приобщиться к философии, должны ходить не на курс лекций по философии, а просто к философу. Это индивидуальное присутствие мыслителя, имеющего такую-то фамилию, имя, отчество, послушав которого можно и самому прийти в движение. Что-то духовно пережить… Этому нельзя научиться у лектора, просто выполняющего функцию преподавателя, скажем, диамата. Общение возможно лишь тогда, когда слушаешь конкретного человека. Например, у Иванова есть какой-то свой способ выражения себя и в этом смысле – своя философия, т.е. есть уже некий личный опыт, личный, пройденный человеком путь испытания, которое он пережил, узнал и идентифицировал в философских понятиях, воспользовавшись для этого существующей философской техникой. И, исходя из своего личного опыта, он вносит что-то новое в эту технику. Короче говоря, философия – это оформление и до предела развитие состояний с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта.

– Сказанное вами в корне расходится с нашими «опытными» представлениями о той философии, с которой каждому из нас, окончивших нефилософские факультеты вузов, пришлось столкнуться в студенческие годы. Преподносимая нам философия была чем-то

вроде упорядоченно организованного винегрета категорий. Собственно философии мы не видели и о философах ничего путного, кроме ярлыков, которыми их награждают и которые следовало запомнить, не слышали.

– Такая книжная философия ничего общего с настоящей философией не имеет. Плохо, что многие начинают и заканчивают изучение того, что в наших вузах называют философией, так ни разу и не коснувшись ее, не поняв специфики ее предмета. Логика такого антифилософского приобщения к философии очень проста – ее сводят к овладению знаниями, зафиксированными даже не в философских текстах, а в учебниках. Ведь с чем прежде всего сталкивается студент и насколько он готов к философии?

Когда студент встречается с философией – а это и есть исходная точка понимания ее, – он встречается прежде всего с книгами, с текстами. Эти тексты содержат в себе какую-то совокупность понятий и идей, связанных по законам логики. Уже сам факт соприкосновения с их словесной и книжной формой как бы возвышает тебя, и ты задаешься вопросами, которые возникают в силу индукции из самих же понятий. Они сами как бы индуцируют из себя вопросы. Но, очевидно, первым среди них должен бы быть вопрос, а что же, собственно, является вопросом? Действительно ли, схватив себя в задумчивости за голову, я мыслю? Действительно ли в этот момент я задаю вопрос, имеющий какой-либо подлинный интеллектуальный смысл? Каждый из нас прекрасно знаком с феноменом ненужной и выморочной рассудочности, возвышенного умонастроения, когда, столкнувшись с чем-то возвышенным, смутно ощущаешь, что здесь что-то не так. А что здесь не так? И что есть, если действительно что-то произошло и это что-то заставило использовать тебя какие-то понятия, имеющие привлекательную и магическую силу собственной эляции, возвышенности?

Например, часто мы спрашиваем себя: что такое жизнь? что такое бытие? что такое субстанция? что такое сущность? что такое время? что такое причина? и т.д. И перед нами выстраиваются какие-то понятийные, интеллектуальные сущности, одетые в языковую оболочку. И мы начинаем их комбинировать. Один мой земляк, Зураб Какабадзе, называл этот процесс разновидностью охоты на экзотичных зверей под названием «субстанция», «причина», «время». Конечно, он говорил об этом иронически. Но ирония тут вполне оправданна, потому что в действительности на вопрос, что такое субстанция, ответа просто нет. Ибо все ответы уже существуют в самом языке. Я хочу сказать, что в языке существует некоторое потенциальное вербальное присутствие философской мысли. И незаметно для себя мы оказываемся в плену этой вербальной реальности.

Между прочим, именно в этой связи, о которой я сейчас говорю, у Канта появилось странное выражение «экспериментальный метод», причем он имел в виду его приложение к философии, пользуясь аналогией с экспериментальным методом в физике. Что Кант имел в виду? Вместо того чтобы спрашивать, что такое мышление, что такое причина, что такое время, нужно, считал он, обратиться к экспериментальному бытию этих представлений. Нужно задаться вопросами: как должен быть устроен мир, чтобы событие под названием «мысль» могло произойти? Как возможен и как должен быть устроен мир, чтобы были возможны этот акт и это событие, например время? Как возможно событие под названием «причинная связь» и произойдет ли наше восприятие этой связи, если нам удастся ее узреть или воспринять? Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания. Только в этом случае можно узнать, что такое мысль, и начать постигать законы, по каким она есть; они выступают в этой разновидности эксперимента. Это и называл Кант экспериментальным или трансцендентальным методом, что одно и то же.

Вообще вопрос «как это возможно?» и есть метод и одновременно способ существования живой мысли. Но если это так, то, следовательно, порождать такой вопрос может только собственный невыдуманный живой опыт. То есть те вопросы, которые вырастают из этого опыта и являются вопросами, на которые можно искать ответ, обращаясь к философским понятиям. До возникновения такого вопроса не имеет смысла читать философ-

ские книги. И совершенно иллюзорно то ощущение якобы понимания, которое мы можем испытывать, встречая в них такие высокие понятия, как бытие, дух и т.д.

Следовательно, есть какой-то путь к философии, который пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы обретаем незаменимый уникальный опыт. И его нельзя понять с помощью дедукции из имеющихся слов, а можно только, повторяю, испытать или, если угодно, пройти какой-то путь страдания. И тогда окажется, что испытанное нами имеет отношение к философии.

– Поясните, если можно, это подробнее, поскольку вы вновь заговорили об испытании.

– Чаще всего наше переживание сопровождается отрешенным взглядом на мир: мир как бы выталкивает тебя в момент переживания из самого себя, отчуждает, и ты вдруг ясно что-то ощущаешь, сознаешь. Это и есть осмысленная, истинная возможность этого мира. Но именно в видении этой возможности ты окаменел, застыл. Оказался как бы отрешенно вынесенным из мира. В этом состоянии тебе многое способно открыться. Но для того, чтобы это открытие состоялось, нужно не только остановиться, а оказаться под светом или в горизонте вопроса: почему тебя это так впечатляет? Например, почему я раздражен? Или наоборот: почему я так рад? Застыть в радости или страдании. В этом состоянии – радости или страдания – и скрыт наш шанс: что-то понять. Назовем это половиной пути или половиной дуги в геометрическом смысле этого понятия. Полпути…

Так вот, в крайней точке этого полпути мы и можем встретиться с философским постижением мира. Ибо по другой половине дуги нам идет навстречу философия уже существующих понятий. То есть, с одной стороны, философ должен как бы пройти полпути вниз, к самому опыту, в том числе и к своему личному опыту, который я назвал экспериментом, а не просто эмпирическим опытом. А с другой стороны, философские понятия позволяют продолжать этот путь познания, поскольку дальше переживать без их помощи уже невозможно. Дальше, например, мы можем ударить того, кто нас обидел, или же самовлюбленно нести свою обиду и обвинять во всем окружающий мир, лишившись тем самым возможности заглянуть в себя и спросить: а почему, собственно, я злюсь? Ведь в самой злобе есть что-то и обо мне. Направленная на внешние предметы, в действительности она что-то говорит или пытается сказать и о нас самих, о том, что есть на самом деле; что происходит и в нас и вне нас. И вот наше дальнейшее движение, связанное с продолжением переживания, оторвавшись от наших реактивных изживаний, идет уже на костылях, на помочах понятий.

А теперь вернусь к характеристике переживания, к тому, почему я коснулся вопроса о страдании. Понимаете, та точка, в которой ты остановился, – это, грубо говоря, не геометрически идеальная точка. Эта точка как бы является началом какого-то колодца, колодца страданий. И в жизни мы часто проходим мимо такого колодца, видя на его месте просто точку. Хотя на самом деле эта точка и была знаком остановки, знаком того, что в другом измерении, в другой перспективе, там – колодец. Для того, чтобы пояснить свою мысль, сошлюсь на «Божественную комедию». Как известно, поэма Данте – это не что иное, как символическая запись странствий души, или один из первых европейских романов, посвященных воспитанию чувств. Уже в самом начале этой поэмы мы сталкиваемся с потрясающим образом. Как вы помните, она начинается с фразы, что ее герой в середине жизненного пути оказывается в темном сумрачном лесу. Середина пути – важная пометка. Веха. 33 года – это возраст Христа. Когда его распяли. Этот возраст часто фиксируется в поэзии.

И вот герой поэмы, оказавшись в лесу, видит перед собой светлую точку на вершине горы. Гора – символ возвышенного, духовного рая. Но достичь его можно, только пройдя лес. Казалось бы, один шаг, протянутая рука отделяют героя от вершины. Вершина – как бы преднамеренная его цель. Но все то, что происходит с героем дальше, говорит о том, что то, к чему идешь, не может быть получено преднамеренно.

Нельзя прийти к тому, что вроде бы лежит перед самым носом, продолжением самого себя. Если вы помните, вначале дорогу герою преграждает волчица. Символы – орудия нашей сознательной жизни. Они – вещи нашего сознания, а вовсе не аналогии, не сопо-

ставления, не метафоры. Волчица – символ скупости, жадности. Какая же скупость имеется в виду? Естественно, наша предельная, действительная скупость в отношении нас самих. Мы бережем себя как самое драгоценное сокровище. Но какого себя? В данном случае – устремленного к возвышенному, сознающего себя возвышенным, ищущего высшего смысла жизни, высшей морали. А на поверку – все это просто скупость и жадность. И что же происходит с героем дальше? Он пошел. Но куда? Вовнутрь. Спустился в колодец страдания и, перевернувшись, возвратился обратно. И при этом оказался там же, но только уже под другим небом. Он– на горе.

О чем говорит этот символ? Если ты не готов расстаться с самим собой, самым большим для себя возлюбленным, то ничего не произойдет. Кстати, не случаен в этой связи и евангельский символ: тот, кто отдает свою душу, ее обретет, а кто боится потерять, тот теряет.

Значение такого рода символов для единственно возможного режима, в котором могут совершаться и совершаются события нашей сознательной жизни, – очевидно.

Ведь очевидно, например, что то состояние, которое мне кажется столь возвышенным, мне нужно изменить. Что к моменту, когда должно что-то произойти, я должен стать иным, чем был до этого. И тогда в трансформированном состоянии моего сознания может что-то возникнуть, появиться. Сыграет какая-то самосогласованная жизнь бытия, реальности, как она есть на самом деле. Но для этого я должен быть открыт, не беречь, отдать себя, быть готовым к чему-то, к чему я не смог бы прийти собственными силами; чего не смог бы добиться простым сложением механических усилий. По определению. Ведь анализу поддается только то, что может быть нами создано самими. То, что мы можем создать, то можем и проанализировать. А здесь попробуй получить это. Невозможно. И, более того, происшедшее, вспыхнувшее (помните, я сказал, что философский акт – это некая вспышка сознания), невозможно повторить: раз нельзя выразить словами, значит, нельзя и повторить. Поэтому отсюда появляется еще один символ – символ мига, мгновения. Но не в смысле кратности времени. Это мгновение как пик, вершина, господствующая над всем миром. И только оказавшись в этом миге сознания и осознав вопросы, мы можем считать, что они осмысленны, т.е. не относятся к той категории вопросов, о которых сказано, что один дурак может задать их столько, что и миллион мудрецов не ответит. Такова опасность дурацких состояний возвышенного, в которых мы самоудовлетворяемся, самоисчерпываемся. Или полны гордости, раз вообще способны судить, что такое жизнь, каков смысл жизни или что такое субстанция.

– И что же советуют философы? Как они выходят из этого положения?

– Декарт говорил, что если нет оснований, то можно доказать все. В его жизни, кстати говоря, был такой случай. Как-то его, еще совсем молодого, пригласили в дом одного кардинала. И там было устроено что-то вроде диспута, в ходе которого Декарт взялся доказать, что можно доказать все что угодно. При этом он указал на существование вербального мира – того, о котором я уже упоминал, и дал понять, что в принципе всегда на любой данный момент есть все нужные слова. И если заниматься словами, то в общем-то можно создать безупречную конструкцию чего угодно. Все, что случается в действительности, будет на эту конструкцию похоже, поскольку в ней есть все слова. Но нужны основания. А что он понимал под основаниями? Конечно, не нечто натуральное, не какую-то общую причину мира, субстанцию субстанций и т.д. Основанием для него являлось наше вербальное состояние очевидности, но кем-то обязательно уникально испытанное.

Он говорил, я *есть,* из убеждения, из очевидности мысли. Я есть, и, следовательно, есть бытие. И наоборот: бытие, мир устроены так, что акт такого рода моей непосредственной очевидности, казалось бы, невозможен как логическое предположение или вывод из наличных знаний. Возможность, что это все-таки может случиться, есть всегда допущение, условность, случайность, присущая самому устройству мира. Мир устроен так, что такая непосредственная очевидность возможна без знания всего мира. Или, чтобы было понятнее, скажу иначе: мир устроен так, что в нем всегда возможна, например, непосред-

ственная очевидность нравственного сознания, не нуждающегося в обосновании и объяснениях. И, скажем, Кант не случайно видел заслугу Руссо в том, что тот поставил этику выше всего на свете. В том смысле, что есть некоторые этические достоверности, которые не зависят от прогресса науки и знания. Но они возможны в силу устройства мира. Главное – не считать себя лишним в этом мире.

Представим себе, что мир был бы завершен и к тому же существовала бы некая великая теория, объясняющая нам, что такое любовь, что такое мысль, что такое причина и т.д. Ведь ясно, что если бы это было так, то было бы совершенно лишним переживать, например, чувство любви. Но мы же все-таки любим. Несмотря на то, что, казалось бы, все давно известно, все пережито, все испытано! Зачем же еще мои чувства, если все это уже было и было миллионы раз? Зачем?! Но перевернем вопрос: значит, мир не устроен как законченная целостность? И я в своем чувстве уникален, неповторим. Мое чувство не выводится из других чувств. В противном случае не нужно было бы ни моей любви, ни всех этих переживаний – они были бы заместимы предшествующими знаниями о любви. Мои переживания могли бы быть только идиотическими. Действительность была бы тогда, как говорил Шекспир, сказкой, полной ярости и шума, рассказываемой идиотом. Значит, мир устроен как нечто, находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала.

Интересное совпадение: в своих действительно философских работах Декарт никогда не приводил цитат, не ссылался на других, но говорил, например, что всегда есть время в жизни, когда нужно решиться стереть все записи прошлого опыта, не улучшать, не дополнять что-то, не чинить, например дом, по основанию которого прошла трещина, а строить его заново. Эта мысль текстуально совпадает с первым монологом Гамлета. Слова клятвы Гамлета перед тенью отца звучат по смыслу так: под твоим знаком я сотру все записи опыта на доске моего сознания и построю все сначала и в итоге, под знаком Бога, узнаю истину.

– Наша сегодняшняя практика преподавания философии, пожалуй, полностью пренебрегает первой половиной дуги, связанной, как вы говорите, с человеческим индивидуальным переживанием в жизни. Овладевая категориями философии, человек не наполняет их соответствующим содержанием и поэтому волей-неволей вынужден впадать в состояние возвышенного умонастроения. Но, с другой стороны, как эти категории можно помыслить? Или мы имеем здесь дело просто с немыслимыми мыслями? Но тогда что это?..

– Да, верно, и я думаю, что существует все же некий пробный камень, с помощью которого можно определить, мыслимо ли что-то, реальна ли возможность моего собственного мышления. Например, есть какая-то мысль Платона или Канта. Но мыслима ли она как возможность моего собственного мышления? Могу ли я ее помыслить как реально выполненную, не как вербально существующую, а как реально выполненное состояние моего мышления? Некоторые вербальные записи мыслеподобных состояний такого испытания не выдерживают, показывая тем самым, что хотя и есть мыслеподобие, но, строго говоря, это не мысли, потому что я не могу их исполнять. Ведь мысль существует только в исполнении, как и всякое явление сознания, как и всякое духовное явление. Она существует, повторяю, только в момент и внутри своего собственного вновь-исполнения. Ну так же, как, скажем, симфония, нотная запись которой, конечно же, еще не является музыкой. Чтобы была музыка, ее надо исполнить. Бытие симфонии, как и бытие книги, – это бытие смысла внутри существ, способных выполнить смысл. А какие мысли оказываются не-мыслями? Те, которые помыслены так, что исключен тот, кому эта мысль сообщается. Как выражался по этому поводу Мандельштам, необходим «дальний собеседник». Не ближний, а дальний, для понимания, например, поэтического акта. Поэтический акт, который не имитирует дальнего собеседника, не может и совершиться в качестве поэтического. Это будет квазипоэтический акт.

– Что вы имеете в виду под таким собеседником?

– Другую точку человеческого пространства и времени, человеческого бытия, в которой твой акт может заново возродиться как возможность мышления, выполненного другим человеком. Возрождение – вот опять символ, указывающий на некое устойчивое образование. Я уже говорил, что нужно отказаться от себя, чтобы что-то понять. Отказаться, чтобы возродиться, или, как писал Декарт, – «родиться второй раз». А это связано, конечно, с некоторым фундаментально дискретным устройством нашей сознательной жизни. Акты сознания в том разрезе, о котором я говорю, явно дискретны. Дискретен, например, опыт религиозного переживания. Если помните, Христос в Евангелии от Иоанна говорит: вот сейчас я есть перед вами и исчезну, потом снова появлюсь и снова исчезну. То есть перед нами как бы серия дискретных вспышек, дискретных мигов.

Что же касается псевдомыслей, то к ним относятся мысли, помысленные как бы с неуважением к мыслительной способности людей, мысли, опекающие их, мысли, являющиеся мыслями других, неспособных на мысль. Примеров таких немыслимых мыслей немало в нашем лексиконе. Скажем, когда современная пресса пытается понять, что с нами происходит, обсуждая проблемы нэпа, коллективизации, индивидуального и общественного труда, какое между ними соотношение и т.д., то в этих терминах и с их помощью едва ли что-то можно понять. Здесь заведомо не может состояться акт мысли, удовлетворяющей своим собственным критериям или совершенной по своим собственным законам. Пытаясь ее выполнить, я просто распадаюсь как мыслящее существо и могу показать, опираясь на уже сказанное, что тот, кто пытается эти проблемы помыслить, распадается сам.

– А как вы понимаете различие события философской мысли и события художественного образа?

– Различие, конечно, есть. Но я не могу его провести. По какой причине? То, что я говорил о философии, фактически означало следующее. Я полагаю, что наша сознательная жизнь устроена таким образом, что все, что осуществляется посредством актов сознания или является проявлением жизни сознания, будь то мастерское создание ремесленного шедевра (скажем, стула) или поэмы или поступок нравственный и т.д., – все это некоторая последовательность шагов. И вместе с тем во всем этом есть нечто, еще один ход, который, не являясь ни одним из них, как бы заполняет интервалы между ними. Этот элемент нашей сознательной жизни, жизни нашего сознания, и имеет отношение к философской мысли, его и можно эксплицировать с помощью того, что оказывается затем философским понятием. То есть это не само художественное произведение или художественное творчество; философия не сводится к ним, хотя и является их опосредующим элементом. Но это и не философия понятий или учений, а философия, которую я назвал бы реальной. Следовательно, есть некая реальная философия как элемент устройства нашего сознания, и есть философия понятий и учений, предметом которой является экспликация реальной философии. Предметом философии является философия же, как это ни покажется, возможно, парадоксальным. Но этот элемент, эквивалентный философскому доказательству,– я *мыслю,* я *существую,* – выполняется и при создании художественного образа. Помните, как Пруст определял поэзию? Поэзия есть чувство собственного существования. Это философский акт. Но он философский, когда осуществлен с применением философских понятий. Тогда это философия, а не поэзия, конечно. Поэтому я и говорю, что отличить их очень трудно, если анализ осуществляется на уровне события, как вы сказали.

– Можно ли говорить о соотнесенности философии и стиля жизни? Реально ли такое сопоставление?

– Я склонен сказать, да; есть такая соотнесенность философии и стиля жизни. Эта соотнесенность сама есть реальность. Но в то же время хотел бы предупредить об искушении жить только философией. Эмпирическая жизнь в смысле своего внутреннего дыхания может совпадать с философской жизнью, но внешне может и отличаться. Иногда человек носит, например, маску почтенного гражданина, считая (и считая справедливо), что формальное выполнение ритуала гражданской жизни делает возможным его мирное сосуществование с другими людьми. Только такая «скованность» формой и является

условием раскованности в творчестве и в мысли, поскольку при этом не уходит энергия на то, чтобы заниматься сведением счетов, борьбой, участием в склоках. Здесь ведь тоже имеются свои призраки, свои иллюзии, которые мы воспринимаем как серьезные проблемы на уровне вкусовой интуиции, на уровне музыкального слуха: что-то скрипит, а что-то делается со скрипом. Американцы говорят: «Легко это сделать можно, а если напрячься – нельзя». Так вот, эмпирически, поверхностно жизнь может совпадать с тем, что является философией; лучше философствовать, не нося колпак философа в жизни, а нося просто шляпу или кепку. Такую же, какую носят другие. Колпак может быть весьма тяжелым одеянием.

– Так все-таки какой путь ведет к овладению философией?

– В философии в качестве предмета изучения существуют только оригинальные тексты. Немыслим учебник философии, немыслим и учебник по истории философии; они немыслимы как предметы, посредством которых мы изучили бы философию. Трактат по истории философии возможен лишь как некоторая реконструкция какой-то совокупности реальных философских событий. Орудием научения может явиться оригинал в руках читателя, который читает. Соприкосновение с оригиналом есть единственная философская учеба. Ведь если философ идет нам навстречу, то и мы должны идти к философу; мы можем встретиться только в точке обоюдного движения. А если я не пошел, сижу, схватившись за голову, над текстом, ничего не получится. Только придя в движение и пройдя свою половину пути, мы получаем шанс встретиться с философией – в смысле возможности научиться тому, что умели другие, а я нет, но что я тоже пережил, хотя и не знал, что это так называется, и, более того, не знал, что об этом так можно говорить.

– А как дальше это может быть продолжено?

– Так же, как переживание радости, скажем, от цветка продолжается посредством его художественного изображения. В этом смысле натюрморт ведь есть тоже продолжение средствами натюрморта нашей возможности переживать цветок. Но здесь важно отдавать себе отчет в существовании культурных эквивалентов или копий философских актов. Есть Кант действительный, а есть культурный эквивалент того, что было сделано Кантом и стало циркулировать под его именем. Есть Декарт, выполнивший акт философствования, и есть образ Декарта, существующий в культуре. Или, иначе говоря, есть символы, и они хороши тем, что многозначны. То, что происходит в культуре и в наших головах, есть способ существования этих символов. Не наша их интерпретация, а то, как эти вечные события или вечные акты существуют. И один из таких символов – символ распятия Христа. О чем он говорит? Христос распят на образе самого себя, на образе ожиданий, адресованных ему его собственным народом. Среди многих значений креста есть и это значение – распятости на собственном образе.

Так вот, научиться читать философские тексты и что-то извлекать из них мы можем только в том случае, если будем относиться к ним на уровне совершаемых актов философствования, а не эквивалентов, на уровне актов, соотносимых с жизненным смыслом философских понятий, даже самых отвлеченных. Если мы будем относиться к ним поверх и помимо их культурно-исторических смыслов, то нам и откроется заключенное в них содержание. Но если это так, то оправданна ли принятая практика преподавания философии? Не порочна ли она? Я уверен, что те, кто вводил преподавание философии на нефилософских факультетах, преследовали решение совершенно иной задачи, чем та, что диктуется самой философией. Они просто стремились создать охваченную единой дисциплиной (но не в научном смысле дисциплиной) некоторую совокупность мыслей и убеждений у части членов общества. И люди знали, что они преподают вовсе не философию; их задача была другой – создать некоторое единомыслие. Отсюда, по этой схеме, выросла внешняя структура преподавания философии в высшей школе. Была выстроена концепция философии, которая с природой философии не считалась. И на основе этой концепции, повторяю, появилась структура образования. Когда же начали считаться с реальностью, то оказалось, что концепция не выдерживает критики, что заложенные в нее принципы уже не срабаты-

вают. Жизнь ушла вперед, но структура осталась. И что же? Например, мне нужно рассказать о Платоне. Но о Платоне нельзя рассказывать в рамках сохранившейся системы образования. О Платоне нельзя рассказать, следя за посещаемостью занятий, проставляя оценки и т.п. Все это выглядит крайне нелогично.

– Но все-таки курс философии преследовал и цель создания предпосылок для формирования мышления.

– Нет, не мышления, а единообразной системы представления, которую можно было бы представить как мышление…

– Сегодня у нас хуже всего, пожалуй, с грамотным мышлением, которое практически во многих областях жизни действительно отсутствует. Например, это касается политического мышления, политической культуры мысли. Тот вид мышления, который мы называем таковым, – это мышление репродуктивное, клишированное, связанное с воспроизводством одного и того же. И все-таки, каким путем можно повлиять на становление подлинно человеческого мышления, сознания, мировоззрения?..

– Вузам необходимы условия академических свобод. Университетам нужна автономия. Сегодня главное – создать почву, которая может породить нужные нам формы и т.д. Без этого нельзя ничего добиться. Нужно, чтобы в течение какого-то времени это закрепилось, была академическая свобода. Она должна войти в плоть и кровь университетов, решающих задачу просвещения и образования в современном смысле этого слова. Иного выхода нет. Нужно просвещенное общество. Ведь что такое социализм? Это общество просвещенных кооператоров. А кто кооперируется? Не крепостные же. Кооператоры, по определению, – независимые производители.

– В условиях ограниченных возможностей и культура как целостное образование не может воспроизводиться. В силу ограничения числа свобод – воспользуюсь понятием механики – культура вырождается.

– Потому что культура изначально является как бы бесцельным движением, результат которого никто не может предсказать. Это движение, которое лишь в движении само себя узнает и познает, к чему шло. Только тогда оно является информативным, если под информацией понимать, конечно, некий порядок, в отличие от хаоса. Тогда есть рост культуры. Словом, когда трата является причиной и желанием тратить, т.е. духовным семенем, тогда удовлетворение желания не исчерпывает желания, а поддерживает и увеличивает его. А иначе все начинает уходить в энтропию, хаос.

Но оказывается, что чувства человеческие как элемент культуры как раз и работают – в условиях свободного пространства – так, что люди способны узнавать себя, а не повторять, как роботы, одно и то же.

– То есть автономия, в том числе и университетов, в принципе означает появление того свободного пространства, пространства гражданского общества, где ты просто обязан выполнять свой гражданский долг, участвуя в дискуссиях, спорах, выражая тем самым свою позицию по волнующим всех вопросам.

– Да, и тогда накатывается тот снежный ком, из которого потом можно лепить снежную бабу. Без этого же снег рассыпается. И ничего не сделаешь.

– Есть цели, которые просто нельзя ставить. Эта логика запретов часто не учитывается. Например, в некоторых религиях не называется имя Бога. О нем говорят опосредованно. В связи с этим возникает вопрос, можно ли в операциональных категориях поставить цель – сформировать мышление – и достичь этой цели? Или мышление является косвенным результатом некоторого процесса взаимодействия и познавательных действий?

– Нельзя. Вы привели хороший пример неназывания Бога. Всякая философия должна строиться таким образом, чтобы она оставляла место для неизвестной философии. Этому требованию и должна отвечать любая подлинно философская работа.

Беседу вел О. Долженко.

Семинар № 3 по курсу *Философия*

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ФЕДОН»

Отсылка к фрагментам диалога осуществляется в соответствии с текстологической традицией (все тексты Платона пронумерованы построчно).

1. Воспроизведите кратко событийную канву диалога. В какой ситуации разворачивается сюжет? Для чего в диалоге использован приём «рассказ в рассказе»?
2. В Древней Греции было принято разделение искусств на *мусические* (покровительствуемые Музами) и *обычные* (к которым относились ремёсла, медицина, агрикультура и гимнастика). Что относилось к *мусическим* искусствам? Каково, согласно Платону, место философии в этой иерархии искусств?
3. Философия сродни искусству, однако имеется и существенное различие между ними. В чём оно заключается?
4. Воспроизведите полностью ход аргументации Сократа в доказывании тезиса о том, что «истинные философы желают умереть».
5. Как в диалоге определяется предмет философского познания? Раскройте смысл тезиса Платона о том, что *знание на самом деле есть не что иное, как припоминание*. Что именно припоминается в познании?
6. Какова «техника» обнаружения истины, т. е. каким образом в философии обретается искомое?
7. Что даёт Сократу основание выделять некую особую *породу людей – истинных философов*? Каким образом философы могут *перейти в род богов*?
8. Какими четырьмя основными качествами (*добродетелями*) обладают *истинные философы*?
9. Какими атрибутами характеризуется *бытие само по себе*?
10. Философ на пути *соприкосновения с истиной* освобождается от чувств (вводящих в заблуждение и *сбивающих с толку*), от подпорок религии (*устойчивое и надёжное судно* в виде *какого-нибудь божественного учения*), от костылей обыденного мнения, от помощи авторитетов (*плот надёжных человеческих учений*). В его распоряжении остаётся лишь одна опора человеческого существования. Какая?
11. Каков древнегреческий (очень приблизительный) «аналог» христианского понятия *ангел*?
12. Что означает последняя фраза умирающего Сократа: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»?
13. Содержание диалога определяется Платоном как *философская беседа*. При этом её основной предмет один и тот же для мифа, религии и этого текста. Что в диалоге отличает предпринятое *исследование* проблемы смерти от рассмотрения в мифологической и религиозной традициях? Ответьте, заполнив таблицу. Последний столбец заполните с опорой на цитаты из текста:

Фрагмент диалога	**Исследуемая проблема**	**Принцип её решения**	
		в мифе, религии	**в философии**
60 e: «В течение жизни мне много раз являлся один и тот же сон. Правда, видел я не всегда одно и то же, но слова слышал всегда одинаковые: "Сократ, твори и трудись на поприще Муз"»	**Жизненное предназначение человека**		
61 d: «…налагать на себя руки не дозволено, и всё-таки философ соглашается отправиться следом за умирающим»	**Недопустимость самоубийства**		

См. 63 b-c.	**Существование богов, загробной жизни, Аида**		
61 c: «Так всё и объясни Эвену, Кебет, а ещё скажи ему от меня "прощай" и прибавь, чтобы как можно скорее следовал за мною, если он человек здравомыслящий. Я-то, видимо, сегодня отхожу – так велят афиняне»	**Желанность смерти (для философа или религиозно настроенного человека)**		
70 a: «…то, что ты говорил о душе, вызывает у людей большие сомнения. Они опасаются, что, расставшись с телом, душа уже нигде более не существует, но гибнет и уничтожается в тот самый день, как человек умирает»	**Бессмертие души**		

Семинар № 4 по курсу *Философия*

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПЛАТОНА В VII КНИГЕ «ГОСУДАРСТВА»

Прочтите фрагмент кн. VII «Государства» Платона (514a–520d) – так называемый «миф о пещере» (κατάγειος[1]), после чего максимально полно ответьте на вопросы. NB их можно выполнить письменно и сдать на проверку ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЕМИНАРА, тогда каждый может «весить» до 10 баллов – но это по желанию.

1. Что имеется в виду под «нашей человеческой природой» (514a)? Она описывается в тексте как «состояние» (514a), «положение» (515a) – в противоположность чему?
2. Как освобождается узник от «оков неразумия», путём каких именно действий? Свяжите версию Платона с известной вам идеей М. Мамардашвили о том, что философский акт есть путь страдания.
3. По какому принципу отбирается освобождающийся? Кто делает этот «отбор»? Кто совершает действия по освобождению узника?

[1] На древнегреческом текст доступен: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0167%3Abook%3D7%3Asection%3D514a и далее.

4. Почему в процессе освобождения узнику «станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать» (515d)? Свяжите этот фрагмент по смыслу с предшествовавшим: «Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?» (515b).
5. Почему тот, кто мог бы «повести узников ввысь», был бы убит ими? Какое отношение роль ведущего имеет к тем, кто беседует (текст построен в форме диалога)?
6. Почему переход из тьмы в свет, равно как и из света во тьму, одинаково сопровождается «нарушением зрения», то есть ослеплением? (518a–b). Почему в этом эпизоде возникает тема осмеяния?
7. Что Платон называет «областью видимого» и что – «областью умопостигаемого»? Как описывается «божественное созерцание»?
8. Докажите, что этот фрагмент VII книги имеет прямое отношение к европейской педагогике как *системе обучения*: «…Просвещенность – это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того как вложили бы в слепые глаза зрение…» (518c).
9. Что подразумевается под *становящимся*: «Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося…» (518d)?
10. Древнегреческая культура, лежащая в основании европейской, существенно определялась аналогией *зрения* и *мышления/знания* (ср. наблюдение французского историка Ж. Ле Гоффа: «Было высказано мнение, что в ветхозаветных сновидениях больше слов, а новозаветные видения преимущественно "немые", ибо главным чувством у евреев считался слух, а у греков – зрение…». Эта связь чётко сформулирована в первых строках важнейшего трактата Аристотеля «Метафизика»: «…Видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям <…> причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах]» (Met 980a). Докажите, цитируя соответствующие ключевые слова текста, что мысль Платона следует этой «визуальной парадигме».
11. Докажите (сопроводив доказательство рисунком-схемой), что пещера Платона – не что иное как специфическое оптическое устройство. Какая социологическая концепция XX в. следует этой платоновской метафоре?

Семинар № 5 по курсу *Философия*

ИЗОБРЕТЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В «РАССУЖДЕНИИ О МЕТОДЕ» Р. ДЕКАРТА

В процессе подготовки к занятию необходимо прочитать 1–4 части работы Р. Декарта «Рассуждение о методе» (Discours de la méthode, 1637): *этого минимума будет достаточно для разговора по предложенным вопросам, хотя, разумеется, весьма желательно полное прочтение. Текст доступен в группе ВК и необходим на занятии.*

1. С какой целью написана работа? (В своём размышлении опирайтесь и на прямые высказывания Р. Декарта на этот счёт, и на ваши интерпретации его намерений). Как эта цель связана с идеей *демонстрации*? Подлежит ли *показанное* повторению?

2. «Рассуждение о методе» – одна из ключевых работ Р. Декарта, программное произведение. Что значит «программное»? О *пути* (т. е. собственно *методе*) в тексте неоднократно говорится, что он «прямой» (с. 251, 259 и др.). Оцените степень адекватности описания «прямизны» *пути*, имея в виду, что работа в известном смысле ретроспективна.

3. Текст имеет черты «интеллектуальной биографии». Что именно стало для Р. Декарта поводом к началу *пути*? Что вообще он имеет в виду, говоря о «пути»?

4. Установите, как соотносятся между собой *здравомыслие* (bon sens), *разум* (raison), *ум* (esprit). Определите все эти понятия насколько возможно полно, пользуясь оборотами из текста «Рассуждения…». Синонимом чего из этого перечня является *естественный свет* (lumen naturale)? Чем заслонён *естественный свет* для людей, не пользующихся разумом «во всей его полноте»?

5. Какой практический вывод был сделан Декартом из затруднения, возникшего в связи с выявленной им сомнительностью всех «наук»? От чего мыслителю пришлось *удалиться*, чтобы обрести *метод*?

6. Почему философия оказалась в числе сомнительных «наук»? Насколько категорично это суждение Р. Декарта, то есть действительно ли философия сомнительна в той же степени, что и другие «науки»? Осознание сомнительности всех «наук» требует, по Декарту, радикального отказа от них – ради чего?

7. Что такое *метод*? Приведите не менее трёх контекстуальных определений. Каковы картезианские правила *метода*?

8. Почему предприятие по демонтажу наличного знания может быть исключительно частным делом, но никак не (все)общим? При ответе ориентируйтесь на те фрагменты текста, в которых фигурирует понятие *большинство*.

9. *Метод*, по мысли автора, должен открывать истину. Каковы критерии истинного знания?

10. Почему, по Декарту, установление оснований «новой философии, более совершенной, чем общепринятая», было неизбежным на *пути*, избранном этим философом?

11. «…Раз я сомневаюсь, значит, моё бытие не вполне совершенно»: обоснуйте, обратившись к контексту, что этот тезис является первым шагом картезианского доказательства бытия Бога.

12. Почему ход рассуждений Декарта в его рассмотрении оснований достоверного знания может быть определён как *эксперимент*? Что тогда в нём является *гипотезой*?

13. Опишите в деталях картезианскую процедуру радикального сомнения (часть 4 «Рассуждения..»). Она осуществляется в три этапа – какие? Что после этого?

14. В части 6 текста Декарт много пишет о *полезности* знаний и о *пользе* своего метода как якобы о главном стимуле собственного поиска метода. Так ли это, действительно ли Рене Декарт имел такой мотив в своём философском поиске – или всё обстояло иначе? Следуйте в решении этого вопроса тексту 6 части «Рассуждения…».

15. В истории философии одним из самых сложных сюжетов является трактовка знаменитого тезиса Декарта cogito ergo sum. Раскройте в меру ваших сил эту сложность. Опирайтесь на разработку декартовского тезиса Э. Гуссерлем («Картезианские медитации») и/или М. Хайдеггером («Европейский нигилизм») и/или М. Мамардашвили («Картезианские размышления»).

16. В своём «Рассуждении о методе» Р. Декарт фактически изобретает европейскую науку (до Декарта её как институции, как особого явления западного мира не суще-

ствует). Докажите, опираясь на текст, что проект науки действительно изложен в этом тексте (см. часть 6).

Семинар № 6 по курсу *Философия*

ПУТЬ МЫСЛЯЩЕГО В ФИЛЬМЕ А. ТАРКОВСКОГО «СТАЛКЕР»

Потом, двумя веками позднее Гераклита,
Аристотель охарактеризовал этот шаг в следующих словах:
«И так некогда уже было, и есть теперь, и будет впредь –
то, куда [философия] держит путь
и к чему она вновь и вновь не находит доступа,
[подразумевается в вопросе]
что есть сущее (τί τὸ ὄν)?» (Met. Z1, 1028 b 2 sqq).

М. Хайдеггер

Источник:
«Сталкер» (1979, Мосфильм, продолжительность 02.35.28).
Режимы доступа:
https://www.youtube.com/watch?v=TGRDYpCmMcM&t=37s (канал киноконцерна «Мосфильм»);
https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=5350128 (хронометраж приводится по этой версии).
Сценарий доступен по ссылке (имеются небольшие расхождения с фильмом): http://predanie.ru/tarkovskiy-andrey-arsenevich/book/79568-stalker-literaturnaya-zapis-kinofilma/.
Приведённые ниже тексты прочесть и попытаться понять. Разговор будет строиться вокруг этих «точек входа» в фильм.

Гипотеза
Фильм А. Тарковского – кинематографическая визуализация пути мышления, то есть киноразвёртывание метафоры познания как пути. Предполагается, что вы докажете это допущение – либо опровергнете его; в обоих случаях разработайте стратегию обоснования вашей точки зрения.

1. ЗОНА	
Что такое *Зона*? Как она появилась? В фильме звучит «профанная» версия её возникновения. Подлинная история появления *Зоны* может быть реконструирована, если вы обратите внимание на кадры, снятые на пороге *Комнаты* (01.57.06 и далее), а также на эпизоды: *43.36* *ПРОФЕССОР. Примерно лет двадцать тому назад здесь будто бы упал метеорит. Спалил дотла поселок. Метеорит этот искали, ну, и, конечно, ничего не нашли.* *ПИСАТЕЛЬ. Хм, а почему «конечно»?* *02.06.38* *СТАЛКЕР. Ведь ничего не осталось у людей на земле больше! Это ведь единственное… единственное*	Рефлексивная (философская, феноменологическая) установка – самонаправленность сознания в процессе феноменологического исследования. Согласно Гуссерлю, её специфика, по сравнению с обыденной («простой объективной», «естественной») установкой сознания, состоит в «противоестественном» направлении внимания: в ней вместо предметов «реальности», ценностей, эмоций, желаний и т. д. мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они *являются* в качестве *феноменов*. Другими словами, мы «направляем наш интерес на модус “как” работы сознания». А это значит, что вместо привычного «растворения» в актах сознания, в которых мы созерцаем и мыс-

место, куда можно прийти, если надеяться больше не на что. *ПИСАТЕЛЬ. Да ты просто юродивый! Ты ведь понятия не имеешь, что здесь делается! Вот почему, по-твоему, повесился Дикобраз?* *СТАЛКЕР. Он в Зону пришел с корыстной целью и брата своего загубил в «мясорубке», из-за денег…* *ПИСАТЕЛЬ. Это я понимаю. А почему он все-таки повесился? Почему еще раз не пошел – теперь уже точно не за деньгами, а за братом? А? Как раскаялся?* *СТАЛКЕР. Он хотел, он… Я не знаю. Через несколько дней он повесился.* *ПИСАТЕЛЬ (говорит очень уверенно). Да здесь он понял, что не просто желания, а сокровенные желания исполняются! Да здесь то сбудется, что натуре твоей соответствует, сути! О которой ты понятия не имеешь, а она в тебе сидит и всю жизнь тобой управляет! Ничего ты, Кожаный Чулок, не понял. Дикобраза не алчность одолела. Да он по этой луже на коленях ползал, брата вымаливал. А получил кучу денег, и ничего иного получить не мог. Потому что Дикобразу – дикобразово! Понял он все это и повесился. <…>* *А потом… э-э… А откуда ты взял, что это чудо существует на самом деле? (Профессору.) Кто вам сказал, что здесь действительно желания исполняются? Вы видели хоть одного человека, который здесь был бы осчастливлен? А? Может, Дикобраз? Да и вообще, кто вам рассказал про Зону, про Дикобраза, про Комнату эту?*	лим нечто существующим в соответствии с его смыслом, «мы должны, напротив, “рефлектировать”, т. е. сделать предметами сами акты», именно они «должны стать теперь объектами схватывания и теоретического полагания» *(Э. Гуссерль, «Логические исследования»)*. Рефлексия позволяет рассмотреть и истолковать переживания, вскрывая внутреннюю жизнь сознания, в нормальном состоянии протекающую латентно.
2. «ОБЩИЙ» СПОСОБ ОБРАЩЕНИЯ С ЗОНОЙ	
Почему Зона стала предметом специальной заботы? Чьей? Какова эта «забота»? *03.40 (Эпиграф)* *«…В нашей маленькой стране возникло чудо из чудес – ЗОНА. Мы сразу же послали туда войска. Они не вернулись. Тогда мы окружили ЗОНУ полицейскими кордонами… И, наверное, правильно сделали…».* *27.48* *ПРОФЕССОР. А зачем в Зоне тепловоз?* *СТАЛКЕР. Он заставу обслуживает. Дальше он не пойдёт. Они туда не любят ходить.* *33.35* *ПИСАТЕЛЬ. А они нас не догонят?* *СТАЛКЕР. Да что вы… Они её боятся, как огня.*	«Спросите любого [студента], что он думает о философии, большинство скажет, что это муть ненужная, а Кант с Гегелем в кошмарах снятся. Если это не философский. Студенты выпустившиеся скажут то же самое. Это там, в глубине, где-то очень глубоко понятно, что это не так, и не студентам». *Портал аспирантов. – http://www.aspirantura.spb.ru/forum*
3. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗОНЫ	
Где находится Зона? Обратите внимание на видеоряд с чередованием чёрно-белых и цветных планов (01.13.49–01.24.31), а также на композицию кадра в эпизодах 17.08 и 02.18.55. **Как устроено пространство Зоны? Что представляет собой пространство вне Зоны? Как «звучат» эти два про-**	«Но что такое человек, что он философствует в недрах своего существа, и что такое это философствование? Что мы такое при нём? Куда мы стремимся? Не случайно ли мы забрели однажды во вселенную? Новалис говорит в одном фрагменте: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» *(Schriften. Hg. J. Minor.*

странства?

Чем определяется топография Зоны?

01.09.29
СТАЛКЕР. Да нельзя здесь ждать! Здесь каждую минуту всё меняется. Придётся вдвоём!..

Сопоставьте два фрагмента и соотнесите их с цитатой, приведённой справа:

11.09
СТАЛКЕР. Господи, тюрьма! Да мне везде тюрьма…

37.50
СТАЛКЕР. Ну вот… мы и дома.
ПРОФЕССОР. Тихо как!
СТАЛКЕР. Это самое тихое место на свете. Вы потом сами увидите. Тут так красиво! Тут ведь никого нет…

Jena, 1923. Bd. 2, S. 179, Fragment 21). Удивительная дефиниция, романтическая, естественно. Ностальгия – существует ли сегодня вообще такое? Не стала ли она невразумительным словом, даже в повседневной жизни? В самом деле, разве нынешний городской человек, обезьяна цивилизации, не разделался давно уже с ностальгией? А тут еще ностальгия как определение философии! И главное, кого это мы приводим в свидетели о философии? Новалис – всё-таки лишь поэт и отнюдь не научный философ. Разве Аристотель не говорит в своей «Метафизике»: πολλὰ ψεύδονται ἀοιδοί *(Metaphysica. Hg. W. Christ. Leipzig, 1886. A 2, 983 a 3 f.),* много лжи сочиняют поэты?

И всё же, не затевая спора о правоте ивесомости этого свидетеля, вспомним о том одном, что искусство – к нему принадлежит и поэзия – сестра философии и что всякая наука по отношению к философии, возможно, только служанка.

Останемся при своем и спросим: в чём тут дело – философия ностальгия? Новалис сам поясняет: «тяга повсюду быть дома». Подобной тягой философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду *не* дома. По чему тоскует тоска этой тяги? Повсюду быть дома – что это значит? Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом. Это *«в целом»* и его целое мы называем миром. Мы существуем, и пока мы существуем, мы всегда ожидаем чего-то. Нас всегда зовет Нечто как целое. Это «в целом» есть мир.

М. Хайдеггер.
Основные понятия метафизики

4. ОСОБЕННОСТИ ПУТИ В ЗОНЕ

Каковы «принципы правильного поведения» в Зоне? Как именно передвигаются по Зоне трое героев фильма?
Прокомментируйте эпизод со спичкой. Можно ли заблудиться в Зоне?
Идут ли в Зону «для того, чтобы…», то есть имеется ли там цель передвижения? Если вы ответите «да» – то для кого имеется цель?

46.59
СТАЛКЕР. Пойдём, как условились. Каждый раз я

«Путь, на который я хотел бы теперь указать, лежит непосредственно перед нами. И только из-за того, что он ближайший, мы находим его с трудом. Но и найдя, движемся по нему всё-таки неуверенно. Мы спрашиваем: что это такое – философия? Слово "философия" мы произносили уже достаточно часто. Однако если мы больше не употребляем его как затёртое наименование, если вместо этого слышим слово "философия" из его истока, то оно звучит

буду давать направление. Отклоняться от этого направления опасно. Первый ориентир – вон, последний столб. (Показывает.) Идите… Идите первый, Профессор. (Профессор спускается с насыпи.) Теперь вы. (Писатель кряхтит.) Старайтесь след в след.

01.28.31
ПИСАТЕЛЬ. Как-то тускло, а, Профессор? Тут мне как-то идти первым нежелательно, Большой Змей добровольцем не бывает…

46.52
Сталкер заводит мотор пустой дрезины – с лёгким постукиванием она уходит в туман. Все смотрят ей вслед.
ПИСАТЕЛЬ. А как же мы вернемся?
СТАЛКЕР. Здесь не возвращаются…

52.04
СТАЛКЕР. Вон там и есть ваша Комната. Нам туда.
ПИСАТЕЛЬ. Что же вы, цену набивали? Это же рукой подать!
СТАЛКЕР. Да, но рука должна быть о-очень длинной. У нас такой нет. (Кидает гайку в другую сторону. <…>
ПРОФЕССОР. Нам туда?
СТАЛКЕР. Да, подняться, войти и… сразу налево. Только мы здесь не пойдём. Мы пойдём кругом.
ПИСАТЕЛЬ. Это ещё зачем?
СТАЛКЕР. Здесь не ходят. В Зоне вообще прямой путь не самый… короткий. Чем дальше, тем меньше риска.

01.05.29
ПРОФЕССОР. Мы что, уже идём?
СТАЛКЕР. Конечно, а что?
ПРОФЕССОР. Подождите! Я думал, что вы… что вы только хотите нам что-то показать! А как же мой рюкзак?
СТАЛКЕР. А что случилось с рюкзаком?
ПРОФЕССОР. Как «что случилось»? Я его там оставил! Я ж не знал, что мы идём!
СТАЛКЕР. Теперь уж ничего не поделаешь.

01.06.00
ПРОФЕССОР. Нет, что вы. Надо вернуться.
СТАЛКЕР. Это невозможно!
СТАЛКЕР. Здесь не возвращаются! Поймите, ещё никто здесь той же дорогой не возвращался!

01.06.19
ПРОФЕССОР. А далеко до этой Комнаты?
СТАЛКЕР. По прямой – метров двести, да только здесь не бывает прямых, вот в чём беда… Идёмте.

01.09.29
ПИСАТЕЛЬ. Профессор пропал!
СТАЛКЕР. Профессор! Эй, Профессор! Ну что же вы! Он же за вами шёл всё время!
ПИСАТЕЛЬ. Отцепился, видимо, и заблудился.

так: φιλοσοφία. Слово "философия" говорит теперь по-гречески. Греческое слово, именно как греческое, есть некий путь. Путь, с одной стороны, лежит перед нами, поскольку наши предшественники произносили это слово с давних пор. С другой же стороны, он остался за нами, поскольку это слово мы постоянно слышали и произносили сами. Таким образом, греческое слово φιλοσοφία есть путь, по которому мы идём. Однако мы знаем этот путь ещё слишком приблизительно, хотя располагаем множеством исторических сведений о греческой философии и можем их расширить».

(М. Хайдеггер. Что это такое – философия?)

«Как известно, поэма Данте – это не что иное, как символическая запись странствий души, или один из первых европейских романов, посвященных воспитанию чувств. Уже в самом начале этой поэмы мы сталкиваемся с потрясающим образом. Как вы помните, она начинается с фразы, что ее герой в середине жизненного пути оказывается в темном сумрачном лесу. Середина пути – важная пометка. Веха. 33 года – это возраст Христа. Когда его распяли. Этот возраст часто фиксируется в поэзии.

И вот герой поэмы, оказавшись в лесу, видит перед собой светлую точку на вершине горы. Гора – символ возвышенного, духовного рая. Но достичь его можно, только пройдя лес. Казалось бы, один шаг, протянутая рука отделяют героя от вершины. Вершина – как бы преднамеренная его цель. Но все то, что происходит с героем дальше, говорит о том, что то, к чему идешь, не может быть получено преднамеренно.

Нельзя прийти к тому, что вроде бы лежит перед самым носом, продолжением самого себя».

М. Мамардашвили

СТАЛКЕР. Да не заблудился он! Он за рюкзаком, наверное, вернулся! Теперь он не выберется! *01.11.00* *Писатель и Сталкер выходят из тоннеля и видят Профессора; он сидит у костра и пьёт кофе.* *ПИСАТЕЛЬ. Вот и он!* *ПРОФЕССОР. Я, разумеется, весьма признателен вам, что вы… Только…* *СТАЛКЕР. Как вы сюда попали?* *ПРОФЕССОР. Большую часть пути я… прополз на четвереньках.* *СТАЛКЕР. Невероятно. Но как вам удалось обогнать нас?* *ПРОФЕССОР. Как «обогнать нас»? Я вернулся сюда за рюкзаком.* *СТАЛКЕР. За рюк…* *ПИСАТЕЛЬ. А откуда здесь наша гайка?* *СТАЛКЕР (говорит, задыхаясь). Боже мой, это… это же ловушка! Здесь же Дикобраз специально гайку повесил. Как же Зона нас пропустила?*	
5. ВХОЖДЕНИЕ В ЗОНУ	
Как попадают в Зону те, кто идёт туда со Сталкером? *12.30* *ПИСАТЕЛЬ. Дорогая моя, мир непроходимо скучен! И поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок – ничего этого быть не может. Мир управляется чугунными законами, это… невыносимо скучно! <…> А вы что, химик? Тоже, наверное, скука…* *02.07.03* *ПИСАТЕЛЬ. Да замолчи! Я же тебя насквозь вижу! Плевать ты хотел на людей! Ты же деньги зарабатываешь на нашей… тоске!* *01.04.00* *(Слышен грохочущий и булькающий звук. Вода в канализационном колодце поднимается столбом, бурлит, постепенно успокаивается. В это время за кадром голос Сталкера.)* *СТАЛКЕР. Пусть исполнится то, что задумано. Пусть они поверят. И пусть посмеются над своими страстями; ведь то, что они называют страстью, на самом деле не душевная энергия, а лишь трение между душой и внешним миром. А главное, пусть поверят в себя и станут беспомощными, как дети, потому что слабость велика, а сила ничтожна…* *(Сталкер пробирается по карнизу стены – видимо, плотины. Продолжается его внутренний монолог.)* *СТАЛКЕР. Когда человек родится, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и чёрств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жёстко, оно умирает. Чёрствость и сила спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит. (Спускается внутрь здания, говорит вслух.) Идите сюда! (Появляются Писатель и Профессор.) Очень неплохо мы идем. Скоро будет «сухой тоннель»,*	«Уже греческие мыслители, Платон и Аристотель, заметили, что философия и философствование принадлежат тому измерению человека, которое мы называем настроением (в смысле на-строенности и рас-положенности). Платон говорит (Теэтет 155d): "Для философа чрезвычайно характерно именно удивление, πάθος, и другого господствующего *Откуда* в философии, кроме этого, не существует". Удивление как πάθος есть ἀρχή философии. Греческое слово ἀρχή мы должны понять в его полном смысле. Оно называет то, откуда нечто исходит. Но это "откуда", исток, не остаётся позади, Ἀρχή становится скорее тем, что выражает глагол ἄρχειν, что господствует. Πάθος удивление, таким образом, не просто стоит у начала философии, как, например, мытьё рук хирурга предшествует операции. Удивление ведёт философию и повсеместно господствует в ней. То же самое говорит Аристотель *(Met. A2, 982 b 12 sq)*: "Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования" (того, откуда исходит философствование и что определяет весь ход философствования). Было бы слишком поверхностно, преждевременно и не по-гречески думать, будто Платон и Аристотель утверждают здесь

а там уж легче.	лишь то, что удивление есть причина философствования. Если бы они придерживались такого мнения, это означало бы следующее: некогда люди удивились именно сущему, тому, что оно есть и что оно есть. Под влиянием удивления начали они философствовать. Едва лишь философия пришла в движение, удивление, как импульс, стало излишним и поэтому исчезло. – Оно могло бы исчезнуть, будь оно лишь толчком. Но – удивление есть ἀρχή|, оно присутствует и правит в каждом шаге философии. Удивление есть πάθος,. Обычно мы переводим πάθος, как passion, страсть, волнение чувств. Но πάθος, связан с πάσχειν – страдать, переносить, терпеть, выносить, позволять себя вести, позволять располагать собою. Как и всегда в таких случаях, рискованно переводить πάθος, как настрой, имея в виду настроенность и расположенность. И все же мы должны отважиться на такой перевод, поскольку он один убережет нас от того, чтобы представлятьπάθος психологически, в духе Нового времени и современности. Лишь понимая πάθος, как настрой (dis-position), мы можем точнее охарактеризовать θαυμαζειν, удивление. В удивлении мы удерживаем себя (être en arrêt). Мы словно отступаем перед сущим – перед тем, что оно существует и существует так, а не иначе. И удивление не исчерпывает себя в этом отступлении перед Бытием сущего – как отступление и самообладание, оно в то же время пленено и словно сковано тем, перед чем отступает. Таким образом, удивление есть (dis-position (рас-положенность), в которой и для которой раскрывает себя Бытие сущего. Удивление является тем настроем, в каком греческим философам было дано соответствие Бытию сущего. *М. Хайдеггер.* *Что это такое – философия?*
6. ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЗОНЕ	
59.27 *СТАЛКЕР. Зона – это… очень сложная система… ловушек, что ли, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, как всё здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и лёгким, то запутывается до невозможности. Это –*	«Нужно понимать, что мысли меняются не в результате изменения вчерашней истины, сегодня ставшей заблуждением, а в результате изменения ориентации человека, благодаря которому он начинает видеть перед собой другие истины, отличающиеся от вчерашних. Стало быть, меняются не истины, а человек, и он, меняясь, просматривает

Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каждый момент она такова, какой мы её сами сделали… своим состоянием. Не скрою, были случаи, когда людям приходилось возвращаться с полдороги, не солоно хлебавши. Были и такие, которые… гибли у самого порога Комнаты. Но все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас! <…> Мне-то кажется, что пропускает она тех, у кого… надежд больше никаких не осталось. Не плохих или хороших, а… несчастных… *01.09.50* *СТАЛКЕР. Да нельзя здесь ждать, здесь каждую минуту всё меняется…* *01.12.48* *СТАЛКЕР. Я ведь… (кашляет) я ведь никогда не знаю заранее, каких людей я веду. Все выясняется только здесь, когда уже поздно бывает.* *01.46.52* *СТАЛКЕР. Вы, наверное, прекрасный человек! Я, правда, и не сомневался почти, но все же вы такую муку выдержали! Эта труба страшное место! Самое страшное… в Зоне! У нас его называют «мясорубкой», но это хуже любой мясорубки! Сколько людей здесь погибло! И Дикобраз брата тут… подложил. <…> Вы не представляете с-себе, как я рад! Это ведь не часто бывает, чтобы все дошли, кто вышел. А вы правильно вели себя! Вы – хорошие, добрые, честные люди, и я горжусь тем, что не ошибся.* *01.52.12* *ПРОФЕССОР. А вы представляете, что будет, когда в эту самую Комнату поверят все? И когда они все кинутся сюда? А ведь это вопрос времени! (Возвращается в комнату.) Не сегодня, так завтра! И не десятки, а тысячи! Все эти несостоявшиеся императоры, великие инквизиторы, фюреры всех мастей. Этакие благодетели рода человеческого! И не за деньгами, не за вдохновением, а мир переделывать!* *СТАЛКЕР. Нет! Я таких сюда не беру! Я же понимаю!* *ПРОФЕССОР. Да что вы можете понимать, смешной вы человек! Потом, не один же вы на свете сталкер! Да никто из сталкеров и не знает, с чем сюда приходят и с чем отсюда уходят те, которых вы ведете.*	ряд истин и отбирает из потустороннего мира, о котором мы ранее упоминали, наиболее ему близкие, не замечая всех остальных, обратите внимание на то, что это главное a priori истории. Разве не это составляет содержание человеческой истории?» *Х. Ортега-и-Гассет* А теперь вернусь к характеристике переживания, к тому, почему я коснулся вопроса о страдании. Понимаете, та точка, в которой ты остановился, – это, грубо говоря, не геометрически идеальная точка. Эта точка как бы является началом какого-то колодца, колодца страданий. И в жизни мы часто проходим мимо такого колодца, видя на его месте просто точку. Хотя на самом деле эта точка и была знаком остановки, знаком того, что в другом измерении, в другой перспективе, там – колодец. *М. Мамардашвили*
7. СТАЛКЕР	
40.39 *ПРОФЕССОР. Видите ли… Сталкер – в каком-то смысле призвание.* *02.07.47* *СТАЛКЕР. Сталкеру нельзя входить в Комнату! Сталкеру… вообще нельзя входить в Зону с корыстной целью! Нельзя; вспомните Дикобраза! Да, вы правы, я – гнида, я ничего не сделал в этом мире и ничего не могу здесь сделать… Я и жене не смог ничего дать! И друзей у меня нет и быть не может, <…>. Все мое – здесь. Понимаете! Здесь! В Зоне! Счастье мое, свобода моя, достоинство – всё здесь!*	Внешний вид (обратите внимание на повязку на шее), манеры, язык, мимика… Но главное – слова.

Я ведь привожу сюда таких же, как я, несчастных, замученных. Им… Им не на что больше надеяться! *01.49.00* *ПИСАТЕЛЬ. «Мясорубка»! Слово-то какое! Да какое ты право имеешь решать, кому жить, а кому в «мясорубки» лезть?!* *СТАЛКЕР. Я ничего не выбираю, поверьте! Вы сами выбрали!* *ПИСАТЕЛЬ. Что я выбрал? Одну длинную спичку из двух длинных?* *СТАЛКЕР. Спички – это ерунда. Еще там, под гайкой, Зона пропустила вас, и стало ясно (звонит телефон) - уж если кому и суждено пройти «мясорубку», так это вам. А уж мы за вами.* *Телефон настойчиво звонит.* *ПИСАТЕЛЬ. Ну, знаете ли…* *СТАЛКЕР. Я никогда сам не выбираю, я всегда боюсь. Вы не представляете себе, как это страшно – ошибиться… Но ведь кто-то должен идти первым!*	